

ПИОНЕР

Июнь

Издательство „Правда“ 1945 г.

6

П И О Н Е Р

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 6

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

И ю н ь 1 9 4 5 г.
Издательство „ПРАВДА“

Юные натуралисты в походе.

Разведчики

Рассказ Ю. Сотника

Рис. Ф. Полищук

Боря трубил в горн. Лёня бил в барабан. За ними шагали Вава и Дима, а впереди всех выступала звеньевая первого звена из старшего отряда девочек Таня Закатова.

Лоб её был перевязан бинтом (она недавно упала с дерева). На затылке торчала тёмная метёлочка волос. Эта метёлочка резко дёргалась, когда Таня оглядывалась на ребят:

— Вава! Почему не в ногу? Дима! Отставай!

Момент был очень серьёзный: Таня Закатова несла пакет с «дипломатической нотой». В этой ноте сообщалось, что «Страна карбидов», то есть пионерлагерь завода «Карбид», объявляет войну «Стране трикотажей» — пионерлагерю Трикотажной фабрики № 2.

Неторопливо, торжественно шагали послы через лес, разделявший оба лагеря.

Дорога вышла из леса на большую поляну. В конце её стоял белый дом с башенками и остроконечной крышей. Ребята видели, как трикотажки сбегаются за забором на линейку.

— Ждут! Знают, в чём дело, — сказала Таня. — Вава! Опять не в ногу! Лёня! По-правь гасстук! Раз-два-три-четыре!

Они вошли в калитку. Возле мачты с флагом их поджидал начальник штаба лагеря Миша Бурлак. Таня остановилась перед ним.

Смолкли горн с барабаном. Стало тихо. Толстый, солидный начальник штаба исподлобья поглядывал на делегацию.

Что-то странное было в поведении начальника штаба. Он старался стоять смирно, но время от времени делал какие-то непонятные движения: то поводил спиной, то вдруг выпячивал живот. Таня протянула пакет, заласенный смолой. Миша взял его и почему-то поднял правую ногу, согнув её в колене.

На линейке зашущукались.

Начальник штаба вскрыл пакет. Он опустил ногу, согнулся, точно у него бьёлся живот, и стал читать торопливо, то и дело сбиваясь:

«Начальнику штаба пионерлагеря Трикотажной фабрики № 2.

НОТА

Многоуважаемый начальник штаба лагеря! Вот уже три дня, как среди трикотажей распространяются клеветнические слухи о том, что карбиды живут в своём лагере «как растения мимозы в ботаническом саду», не умеют как следует бегать, не знают, что такое военная игра и работа разведчиков, и купаются голыко в таких местах, где глубина не больше тридцати пяти сантиметров. Отважные карбиды глубоко возмущены подобной клеветой и посему считают себя в состоянии войны со «страной трикотажей», начиная с 8.00 утра завтрашнего дня. Условия войны вам известны...»

Миша читал, но никто не слушал его. Все смотрели на левую ногу начальника штаба. Из его трусов медленно выползала белая крыса. Голова её и передние лапы были скрыты трусами, а туловище с извивающимся розовым хвостом болталось в воздухе.

«...Благоволите... Благоволите принять, уважаемый начальник штаба, мои заверения в глубочайшем к Вам...»

Крыса шлёпнулась на землю, и в ту же секунду раздался отчаянный визг. Два трикотажки, сбившие с ног, покатались на землю. Кто-то мелькнул над забором и скрылся. Полторы сотни ребят окружили Мишу.

— Пустите-ка! В чём тут дело? Бурлак, что произошло?

К Бурлаку подошёл старший вожатый.

— Ни в чём не дело! — бормотал Миша. — Я её просто сунул за пазуху, а она — в трусы и на землю... А эта чего-то испугалась.

— Таня! — позвал вожатый.

Над забором показалась забинтованная голова на тонкой шее.

— Чудачка! Чего ты испугалась! Иди сюда!

— Не пойду, — ответила Таня.

Босоногие трикотажки запрыгали и захищали:

— Трусиха! Крысы боится! От крысы ураа!

— Да, боюсь,— ответила Таня. — Пётр Первый был храбрым человеком, а тараканов боялся.

Вожатый поднял крысу и показал её:

— Ну, Пётр Первый, я её уношу. Иди сюда!

Только теперь Таня решила подойти к Бурлаку и взять от него пакет с заранее заготовленной ответной «нотой».

С хмурыми лицами пустились карбиды в обратный путь. До калитки их провожали весёлые трикотажи.

— С самим Петром Первым завтра воюем!

— Пусть крыса вход сторожит. Ни один карбид не пройдёт!

До лесу за ними бежал какой-то маленький мальчишка Приплясывая, он пищал:

— Пётр Первый, а Пётр Первый! Пётр Первый, а Пётр Первый!

В лесу Лёня стукнул мальчишку барабаном по голове, и тот, удовлетворённый, побежал домой.

— Оскандалились, — проворчал барабанщик. — Тоже ещё, звеньевая! Крыс боится!

— Что-о! — Таня сразу остановилась и повернулась к нему. — Что ты сказал?

Крепкий, коренастый Лёня молча попятился.

— А ну-ка перепрыгни!

Дорогу пересекала глубокая канава, через которую был переброшен мостик. Лёня промолчал.

— Охота была ноги ломать!

Таня сошла с дороги, разбежалась и, перелезев через канаву, упала на противоположной стороне.

— Получила? — спросила она, подымаясь.

Больше никто не роптал. Шли молча и торопливо. Впереди было ещё одно очень важное дело.

* * *

Настала ночь. Заснули трикотажи в своей даче, погасли огни в деревенской школе, где жили карбиды. Яркая луна поползла по мерцающему небу, и верхушки леса осветились голубоватым светом.

Внизу, под деревьями, было темно и тихо. В молчании пробиралась пятёрка разведчиков. Таня шла впереди, держа подмышкой фанерный ящик с самодельным телеграфным аппаратом. Вава несла рюкзак с провизией, а её брат Дима, такой же маленький и курчавый, как она, крепко прижимал к себе четвертую бутылку с кипячёной водой. Сзади всех Боря и Лёня, согнувшись, тащили большую катушку с проводом, надетую на железную ось. Катушка медленно вертелась, чуть поскрипывая в ночной тишине, и чёрный сапёрный провод ложился в росистую траву.

Шли очень медленно. Трудно было идти. Ветки цеплялись за воротники, невидимые коряги хватали за ноги, какие-то прутья больно хлестали по головам. Крохотный лесок, такой уютный днём, теперь топорились, глухо ворчал сухим валежником под ногами и не хотел пропускать.

Ободранные, исцарапанные, они вышли из лесу на край маленького оврага, в кото-

ром журчал ручей. Сразу за оврагом возвышался холм. На вершине его, чётко выделяясь на светлом небе, чернели три столба сгоревшей сторожки и двускатная крыша заброшенного погребка.

Таня спустилась в овражек и перешла по камням ручей. За ней пошёл Дима. Он стал на камень посредине ручья, выбирая, куда бы шагнуть дальше, и вдруг зашатался. Раздался звон. Опустив руки, Дима стоял на камушке, от которого бежали светящиеся полоски воды.

— Разбил? — тихоноcko вскрикнула Таня.

— Упала,— ответил Дима.

— Эх, ты!

Карбиды шопотом стали бранить Диму. Потом Боря сказал, что нужно сойти в лагерь и принести другую бутылку.

— Ну вот ещё! — фыркнула Таня. — Будем всю ночь взад-вперёд бегать! Пошли!

Они переправились через ручей, опустив в него хорошо изолированный провод, взобрались на освещённую луною вершину холма и остановились там, молчаливые, настороженные, все с поднятыми воротниками шальто.

За холмом тянулась поляна, голубая от лунного света. В конце её, окружённый с трёх сторон тёмными соснами, белел дом трикотажей. Боря зачем-то снял кепку. На макушке его, как перо у индейца, торчал одинокий прямой вихор.

— Спят и не знают, что мы им готовим,— прошептал он.

Все молча кивнули головами и продолжали смотреть на белый дом.

Завтра начнётся «война». Завтра отряды карбидов и трикотажей с красными и синими повязками на руках станут ползать в лесу, стараясь пробраться к лагерю противника. И всё это время питеро отравленных разведчиков будут сидеть на холме под самым носом у неприятеля. Они будут следить за каждым его движением и сообщать обо всём по телеграфу в свой штаб. Они выждут удобный момент, и по их сигналу толпы карбидов врасслох нападут на трикотажей и похитят флажок, положенный в условленном месте.

Этот план был придуман Таней. Именно в награду за инициативу ей поручили сегодня объявить войну трикотагам.

— Пошли! — тихо скомандовала Таня.

В глубоком молчании ребята один за другим забрались в погреб. Таня зажгла карманный электрический фонарь. Посредине дощатого пола чернел открытый люк. Стоя вокруг него на четвереньках, ребята заглянули вниз. В глубокую яму вела приставная лестница. На дне ямы, слабо освещённые фонарём, лежали пустые калки.

— Капусту квасили, — прошептала Вава.

Вскоре телеграфный аппарат, с электромагнитом от звонка, роликом от пишущей машинки и с бумажной лентой, нарезанной из газетных полей, стоял в углу под скатом крыши. Сидя возле него на корточках, ребята смотрели, как Лёня делает пробку.

— Передай,— сказала Таня: — Погреб заняли незвизрая на трудности. Сообщите,

как принимаете. Начпункта Закатова.

Лёня снял кепку, склонил коротко остриженную голову над аппаратом и стал нажимать на ключ, тихо приговаривая:

— Точка, тире, тире, точка... Тире, тире, тире...

Лёня передавал депешу минут пять и весь взмок от напряжения. Сообщив под конец, что переходит на приём, он повернул какой-то рычажок. Теперь все смотрели на якорь магнита с карандашным графитком. Вот он слегка дернулся. Лёня взяла пальцами кончик бумажной ленты и стал тынуть её к себе.

Где-то, за лесом, в комнате у вожатого, дежурный телеграфист лагеря Сеня Жуков стучал ключом, а здесь на бумажной ленте появлялись слабые чёрточки и точки. С трудом разбирая их при свете фонаря, Лёня читал:

— Пр-маем хшо. Жел-аем у-пе-ха. Дежурный связе-е-ет Жуков.

Вава тихонько засмеялась и осторожно захопала в ладоши.

— Работает! — шептали возбуждённые карбиды. — Работает!

После испытания аппарата они разместились по разным углам, и Таня потушила фонарь.

Стало совсем темно. Только щели в крыше осветились слабым, ночным светом. Ребята пригихли, каждый в своём углу, слушающая, как журчит ручей под холмом и пищит одинокий комар, залетевший в погреб. Так прошло полчаса.

— Товарищи! Вы не спите? — зашпентал вдруг Боря.

Карбиды возмущённо заворчали в темноте.

— Нет. Это я так просто... Знаете что? Вот все ребята спят сейчас в тылу в тёплых постелях, а мы тут бодрствуем на передовых позициях, под самым носом у врага... И только провод соединяет нас со своими. А, товарищи?

— Угу! — отозвалась кто-то.

Таня заворчалась где-то возле двери.

— Слушай-ка! А что бы нам такое совершить?

— Совершить?...

— Ну да! Боря говорит, что нас соединяет только провод. И вот бы по этому проводу послать депешу: «Сегодня, положим, в ноль часов пятьдесят минут разведчики такие-то совершили то-то и то-то». Что-нибудь особенное, подвиг, понимаете?

Эта мысль всем понравилась. Тараша глаза влопыхах, карбиды стали думать, какой бы совершить подвиг.

— Во! — сказала Лёня. — Такую депешу послать: «Сегодня ночью разведчики такие-то пробрались... в это... как его? в месторас-

Таня сошла с дороги и разбежалась...

положение неприятеля и... сделали чего-нибудь такое».

— А что именно «сделали»? — спросил Боря.

— Ну, какой-нибудь диверсионный акт.

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — У них там две овчарки и ночной сторож. Они такой «диверсионный акт» покажут, что просто ужас!

— И вообще нельзя. Сейчас ещё мир, — сказала Таня.

Постепенно щели в крыше посветлели. На полу стало заметно чёрное пятно люка. Потом выпалили из темноты фигуры ребят, съёжившихся от утреннего холода.

— Закусим? — предложила Боря.

Вава развязала мешок. Она вынула оттуда буханку хлеба и груды варёных картофелек. Затем, хитро посмотрев на ребят, извлекла одну за другой пять сушёных вобла.

Держа на коленях по куску газеты, разведчики принялись закусывать, продолжая вслух мечтать о подвиге.

— Хотя бы гроза какая-нибудь! — говорила Таня, держа двумя пальцами рыбий хвост. — «В районе наблюдательного пункта разразилась гроза. Погреб затоплен. Продолжаем наблюдение за неприятелем по колёно в воде».

— А по-моему, лучше так, — продолжал Боря: — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Огромное дерево упало рядом с погребом. Продолжаем неустанные наблюдения».

— Нет, не так! Вот как! — Лёня даже поднялся: — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Молния ударила в погреб. Часть разведчиков огулушена. Продолжаем наблюдения среди дымящихся развалин».

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — Если всё это случится, вожатые запретят войну и прогонят нас отсюда.

* * *

Прошло часа три. Щели в одном из скатов крыши стали золотистыми, и от них протянулись слабые лучи, полные блестящих пылин. Мрачную картину осветили они: прижавшись затылком к стене и перекаты-

вая голову с одного плеча на другое, Дима громко шептал:

— Ох, не могу больше... Ну что тебе сделаешь, если я к ручью сбегу!

— Не пушу. Трикотажи увидят, — в десятый раз повторила Тая.

— Увидят! Они ещё спят, а ты здесь маячись!

Тая, бледная, решительная, стояла на коленях, загоразивая собою дверь.

— Все хотят пить. И я не меньше тебя.

— Не меньше! Две кружки чая за ужином выпила, а я...

— Не пушу. Понятно?

Боря молча слушал этот разговор. Длинная физиономия его ещё больше вытянулась и приняла страдальческое выражение. Вава коротко всхлипнула.

Вдруг Боря поднялся:

— Товарищи! Зачем сориться?! Если каждый станет бегать к ручью и обратно, то нас заметят. Но кто-нибудь один может взять рюкзаки и принести воду для всех.

— Правильно! Он брезентовый и не протекает!..

— Не пушу!

Лопнуло терпение у карбидов!

— Что ж, нам здесь умирать? — мрачно спросил Лёня.

— Не пушу!

— Болтала, болтала о подвиге, а как до дела дошло, одного человека боишься выпустить! — записала Вава.

— Не пушу!!!

— Ой, ребята, ну и трусиха!.. Крыс боится, трикотажей боится, всего боится!

Лёня бил себя кулаком в грудь:

— Ну меня, меня пусти! Я так проползу, что...

— Уж ты проползёшь! Знаем тебя!

— Ну, сама иди!

— И сама не пойду.

Лёня подошёл к Тая поближе. Неожиданно мягким, ласковым голосом он спросил:

— Слабо?

— Слабо? — пискнула Вава.

Тая вскопчила, стукнулась головой о крышу и, держась за макушку, отчеканила:

— Давайте мешок!

— Вот и прекрасно! Вот и прекрасно! И ничего такого не случится, — весело, миролюбиво заговорила Вава и стала вытряхивать из рюкзака оставшуюся провизию.

Тая открыла дверь, сделала шаг вперёд, остановилась на секунду... и вдруг бросилась назад.

— Что ты? — удивились ребята.

— Стоять! — чуть слышно прошептала Тая.

Все прыкнули к щелям в досках. Даже Дима перестал умирать и, повертев удивлённо головой, поднялся и подошёл к двери.

На крыльце дома стояли два мальчика с полотенцами через плечо. Один маленький, другой большой, толстый. Маленький, протявнув руку, показывал на погреб.

Вдруг карбиды бросились прочь от стенов.

— Идут!

— Ой, девочки, прямо сюда идут!

Секунд пять они метались по погребу, стучаясь головами о скаты крыши...

— В лок! В бочку! — скомандовала Тая.

— Всё убраться!

Пальто, катушка из-под провода, рюкзак, очитки картошки, рыбки головы и хвосты полетели в глубину погребка. Лёня отцепил аппарат и съехал на животе по шаткой приставной лестнице вниз. За ним скатились остальные. Ребята убрали лестницу, сунув за бочки. Бросили туда же все свои вещи и остатки завтрака. Затем каждый вполз ногами вперёд в одну из бочек — и все затихли.

Прошла минута, может быть, две. Вот наверху скрипнула дверь. Послышались два голоса. Один, солидный, басистый, принадлежавший Мише Бурлаку, сердито спросил:

— Ну, где твои карбиды?

Другой, пискливый, ответил негромко, но горючо:

— Честное пионерское, видел! Эта, ихняя... Пётр Первый. По ковбойке узнал... Открыла дверь, а потом сразу как закроет... А за ней ещё какие-то сидели... Сам видел...

— Сколько? — спросил начальник штаба.

— Десять... Нет! Человек двадцать... Так и выглядят, так и выглядят!

— Врёшь, — лениво сказал Бурлак.

— Ну, вот тебе, честное-распростёртое слово! Знаю, где они! Внизу сидят.

Притихшие в бочках карбиды услышали, как два трикотажа подкрались к люку.

— Эй! — басом крикнула маленький мальчишка.

Лёнина бочка лежала против таниной. Он взглянул на Тая. Она сидела, согнувшись, поджав под себя ноги, прикусив губы.

— Эй, Пётр Первый! Всё равно знаем: в бочках сидите.

Ребята даже дышать перестали. Затекали ноги, болеи спины, а шевельнуться было нельзя: при малейшем движении бочки качались.

— В бочках сидят! Честное пионерское, в бочках! Божим подымем тревогу! Это разведчики ихние!

— Чудак ты, право, человек! Подымем тревогу, а здесь никого не окажется. Смешно, прямо!

— Давай спрыгнем, посмотрим.

— И поломаем шею.

— Ну, давай я один спрыгну, собой жертвую. Хочешь?

— Собой жертвовать нетрудно. А ты попробуй без жертв захватить.

— А как... без жертв?..

Они стали шептаться так тихо, что ничего не было слышно. Потом маленький хихикнул и спросил:

— На верёвке?

— Ну да, — ответил Бурлак.

Они опять зашептались.

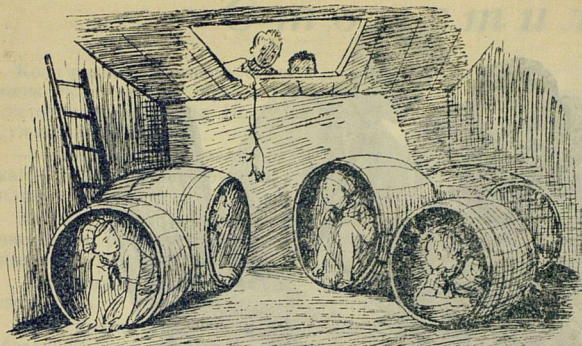
— Ладо! Сторожи. Я сейчас, — громко сказал Бурлак и вышел из погребка.

Некоторое время стояла полная тишина. Затем раздался схидный голос:

— А Мишка за белой крысой пошёл!

Карбиды почували недоброе. Лёня снова взглянул на Тая. Она ещё больше жалась в своей бочке.

Между бочками Лёни и Тани появилась в воздухе белая крыса.

Прошло минут десять. Наверху раздались шаги и снова послышался шопот

— Зачем за ногу!.. За хвост!.. Осторожней, уронишь!.. Потихоньку! Потихоньку!

Между бочками Лёни и Тани появилась в воздухе белая крыса. Вертясь и покачиваясь, суча розовыми лапками, она медленно опускалась, привязанная к шпагату. Вот она заскребла передними лапками земляной пол и села, поводя острой мордой с дрожащими усиками.

— Эй, Пётр Первый, выходи! Хуже будет!

Таня пристально смотрела на крысу. Сжатые кулаки её с острыми косточками слегка дрожали.

Шпагат натянулся и дёрнул крысу за хвост. Она поползла в сторону Лёни, волоча за собой верёвку. Лёня знал, что белые крысы не боятся людей. Так оно и вышло. Крыса вошла в бочку и, наступив одной лапой на лёнину мизинец, стала его обнюхивать. Лёня приподнял было другую ладонь, чтобы схватить крысу и не пустить её к Тане, но вспомнил, что трикотажи могут дёрнуть за верёвку, и раздумал.

Шпагат снова натянулся. Крыса выехала в промежуток между бочками

— Так все бочки обследовать. Понимаешь? — услышали ребята шопот Бурлака.

— Есть все бочки обследовать!

Белая крыса бесшумно ползала по дну погреба. Она то заползала в одну из бочек, то снова появлялась на чёрном земляном полу, и пять пар внимательных глаз, скрытых от сидевших над люком, следили за каждым её движением.

Вот она снова очутилась между Лёней и Таней и снова направилась к Лёне. Верёвка натянулась. Крыса остановилась, подумала и повернула к Тане.

Таня крепко зажмурила глаза. Всё сильнее и сильнее дрожали её сжатые кулаки и худенькие плечи. Крыса, поминутно оста-

навливаясь, приближалась к ней. Вот она вошла в бочку, обнюхала дрожащий кулак и, неожиданно вскочив на танину руку, стаа карабкаться по ней на плечо. Не разжимая глаз, Таня широко открыла рот, и Лёня понял что сейчас раздастся тот пронзительный визг, который раздался вчера вечером на линейке. Но визга он не услышал. Таня сжааа оскаленные зубы и больше не делала ни одного движения. А крыса, забравшись на дрожащее плечо, подползла к шее, и белые усики шевелились возле самого таниного уха. Бочка, в которой сидела Вава, слегка

дрогнула. Лёня не боялся крыс, но по спине его бегали мурашки, когда он смотрел на Таню.

Где-то далеко прозвучал горн. В ту же секунду крыса вылетела из бочки. Дрыгая лапами, она взвилась вверх и исчезла.

— Хватит дурака валять, — проворчал над люком Бурлак.

— Да, честно пионерское, мне показалоcь... — уже совсем неуверенно сказал его товарищ.

— Мало ли чего тебе показалось? Сначала проверь, потом подымай панику. Идём! И трикотажи ушли из погреба.

Один за другим вылезли из бочек разведчики. Они собрали свои вещи и приставили лестницу. Никто из них не сказал ни слова.

Молчали они и наверху. Лёня стал привязывать концы проводов к аппарату, остальные сели на свои места и прикинули к щелям между досками.

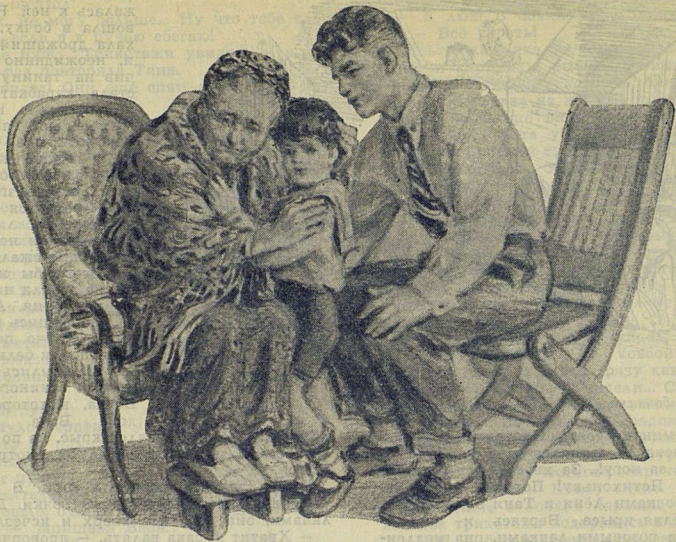
От пережитого волнения жажда усилилась. Но все молчали и время от времени поглядывали на Таню. Она стояла на коленях перед дверью и не отрывалась от щели.

— Аппарат готов, — тихо сказал Лёня.

Таня молчала, попрежнему глядя в щель. Перед белым домом выстроились четырёхугольником трикотажи. Заиграл горн, послышалась дробь барабана, и красный, горящий на солнце флаг рынками поднялся вверх.

— Передай, — не оборачиваясь, сказала Таня: — «Флаг у противника поднят».

Лёня облизнул протершие губы и прислушался к слабому журчанию ручья под холмом. Он знал теперь, что он и его товарищи будут слушать это журчание пять, восемь, может быть, десять часов, и никто из них не скажет ни слова о том, что хочется пить.

Памятное слово

В. Осеева

Сын сказал своей матери грубое слово. Сказал и забыл о нём. Прошло много дней. Приходит он как-то из школы, а мать плачет.

— О чём ты, мама?

— Вспомнилось мне, как ты обидел меня!

— Да ведь я прощения просил у тебя, — удивился мальчик.

— И я простила тебя, — улыбнулась мать.

Прошли годы. Вырос сын. Женился. Привёл к матери своего сынишку маленького. Целует мать внука, гладит по головке, а сама слёзы вытирает.

Рис. А. Брея

— О чём ты, мама?

— Вспомнилось мне одно слово грубое...

Засмеялся сын:

— Да ведь я тогда ещё мальчиком был!

И опять прошли годы. Умерла мать, состарился сын. Побелела борода, согнулись плечи. Много видел он разных людей на свете, много ездил по чужим странам. Приехал в свой родной город и пошёл на могилу матери. Взял горсть земли, прижался к ней щекой и заплакал.

— Прости мне, мама, то грубое слово, что сказал я тебе, когда был мальчиком.

Отомстил

Коля подошёл к своему столу и ахнул: ящик был выдвинут, краски разбросаны, кисточки перепачканы. На столе стояли лужицы бурой воды.

— Алёшка! — закричал Коля. — Алёшка! — и, закрыв лицо руками, громко заплакал.

Алёшка просунул в дверь круглую физиономию, расцвеченную всеми цветами радуги.

— Ничего я тебе не сделал! — быстро сказал он.

Коля бросился на него с кулаками. Но братишка исчез за дверью и через раскрытое окно прыгнул в сад.

— Я тебе покажу! — кричал со слезами Коля.

Алёша, как обезьянка, вскарабкался на дерево и, свесившись с нижней ветки, показал брату нос:

— Заплакал! Второклассник! Из-за одной красочки заплакал!

— Ты тоже заплачешь! — кричал Коля. — Ещё как заплачешь!

— Я? Я? — Алёша неловко повернулся, схватился за тонкую ветку и повис. Ветка хрустнула и обломилась.

Коля бросился в сад.

Братишка сидел на земле и, загораживая руками голову, испуганно смотрел на него.

— Встань! — закричал Коля. — Встань!

Но Алёша втянул голову в плечи и зажмурился.

— Встань на ноги! — кричал Коля, ощупывая алёшины колени. — Держись за меня!

Он взял братишку за плечи и осторожно поднял с земли.

— Больно тебе?

Алёша мотнул головой и вдруг заплакал.

— Живот? — испуганно спросил Коля.

Алёша ещё громче заплакал, обхватил брата за шею и крепко прижался к нему.

— Я никогда больше не буду трогать твои краски... Никогда, никогда... не буду!

Владимир Орлов

Рис. Ю. Кискачи

ИВАНОВА ОБИДА

то был в мире самый большой изобретатель? Думаете, Уатт, Кулибин, Эдисон, Попов? Ничего подобного. Самым большим изобретателем в мире был Иванушка-дурачок.

Кто верхом на печи по лесу ездил? Иван. А чем самодвижущаяся печь — не паровоз? Значит, это Иван изобрёл первый паровоз.

Кто добыл перо жар-птицы? Опять Иван. На перо жар-птицы похожи наши электрические лампы — тот же свет без огня. Значит, это Иван изобрёл электрическую лампочку.

Кто летал по воздуху на ковёр-самолёте? И тут Иван. А чем ковёр-самолёт — не первый самолёт? Значит, это Иван — изобретатель самолёта.

Паровоз, самолёт, лампочка! Один человек — и три величайших изобретения! Где найдёшь такого второго?

И всё-таки нет к Ивану настоящего уважения и почёта.

Откуда такая несправедливость? Причина не только в том, что Иван — личность сказочная, но и в том, что выдумки его сказочные.

Возьмите штабель наилучшего кирпича, самый красивый персидский ковёр, какие хотите перья, а не сделайте вам из них ни лампочки, ни паровоза, ни самолёта. А раз сделать эти вещи нельзя, значит, это не изобретения. Это только мечты об изобретениях.

Часто путают изобретение и мечту. Говорят, что изобретателем самолёта был тот, кто придумал легенду о Дедале и Икаре. Старый мастер Дедал множество птичьих перьев скрепил воском и сделал из них себе и сыну Икару большие крылья. Окрылённые люди полетели над морем. Но Икар приблизился к солнцу, солнечный жар растопил воск, и

перья рассыпались, закружились в воздухе, как опавшие листья; а Икар упал в море.

Эту сказку придумал поэт, а не изобретатель. Птичьи крылья не сделать из перьев и воска, и на птичьих крыльях не полетишь. Это тоже мечта.

Говорят, что самолёт изобрёл гениальный художник Леонардо да Винчи, живший четыреста лет назад. В его бумагах нашли наброски разнообразных летательных машин. Тут были крылья и пропеллеры, планеры и вертолёты.

Наброски так и остались набросками. Леонардо да Винчи машины не построил. Но если бы и сделал машину по его рисункам, она всё равно не полетела бы. Леонардо да Винчи был прекрасным изобретателем, но тут он проявил себя как художник и мечтатель. Набросок был не изобретением, а мечтой. Мечтой художника о летающей машине.

Поэты слагают легенды, художники пишут картины. Они прославляют новые, нужные людям вещи, не заботясь о том, как их осуществить.

Иная забота гложет изобретателей. Изобретатель не только должен придумать новую, нужную людям вещь, но и сделать её осуществимой. Только то, что осуществимо, может считаться изобретением.

УМЕНИЕ МЧТАТЬ

Изобретения создаются силой человеческой фантазии, человеческого воображения. Без умения мечтать, фантазировать нельзя было бы создать того, что создали люди.

Пауки плетут затейливое кружево паутины, муравьи возводят муравейники с запутанными лабиринтами ходов, пчёлы удивляют архитекторов

правильностью своих сот и экономией строительного материала.

Но в том и отличие человека-изобретателя от пчелы, паука и муравьи, что паук, пчела и муравей строят миллионы лет подряд одно и то же, одно и то же, а человек каждый раз строит новое и перед тем, как построить свои машины, уже построил их в своей голове, в своём воображении.

И это не так просто: построить в своей голове образ будущей, небывалой машины. Не легко, даже краем глаза, заглянуть в будущее.

Лет сто назад американский писатель Эдгар По, шутки ради, написал тысячу вторую сказку Шехерезады. Он заставил Шехерезаду рассказывать калифу о пароходы и паровозы, телефоны и телеграфы, фотографическом аппарате. О совсем не чудесных, обыкновенных для нас вещах.

И калиф, который верил всему, что рассказывала Шехерезада, и шадил ей жизнь, в этот раз усомнился, разгневался и велел казнить Шехерезаду.

Калиф жил тысячу лет назад, он глубоко верил в чудеса, но не смог поверить будущей яви.

Так Эдгар По посмеялся над неспособностью людей вообразить, что будет через тысячу лет. Посмеялся и сам попал впросак. Попытался сам предсказать, что будет через тысячу лет.

Что же он увидел в 2848 году?

Исполнительские воздушные шары, человек на двести.

Телеграфную проволоку через океан! Писатель считал это дерзкой мечтой, исполнение её откладывал на тысячу лет и не в силах был предвидеть, что и трёх лет не пройдёт, как проложат подводный кабель из Европы в Америку через Атлантический океан. За семь лет до того, как писатель встал за перо, уже лежал под водой в Европе первый телеграфный кабель! Вот как бывает: хотел шагнуть за тысячу лет, а отстал на семь!

Воздушные шары величаво проплывали над головой писателя. Современники поругивали пузатых дегунов за медлительность, неуклюжесть, за плохое управление. И когда Эдгар По пророчил будущее, он не расстался с воздушными шарами, но улучшил их по желанию современников: сделал быстрыми и управляемыми.

А будущее не жаждет идти по назначенным путям. Огорашивает людей неожиданным, негаданным, небывалым.

Появляется в небе самолёт—и побочку воздушные шары! Открывается лёгкому делу новая дорога.

Ну как, скажите, древнему артиллеристу представить себе нашу пушку, если (говоря не слишком серьёзно) древние армии были вооружены примерно так, как нынче мальчишки-озорники: луками и рогаками. Огромные рогаки—баллисты и катапульты—возили на колёсах, как орудия. Натягивали их пятнадцать человек, и пускали они камни в четверть тонны весом.

И как бы ни силились древние артиллеристы представить себе наши пушки с их разрушительной силой, всё бы им мерещились ремни, рычаги и колёса старинных баллист, и никто бы не подумал о порохе, о мгновенном порыве расширяющегося газа.

Ну как, скажите, древнему мореплавателю представить компас, если даже он и будет знать, что изобретён чудесный инструмент, показывающий страны света. В те времена моряки вели корабли по звёздам и, конечно, искали бы новый прибор среди астрономических инструментов. А на самом деле это магнитная стрелка.

Кто мог подумать, что не в сложных астрономических инструментах таится секрет вождения кораблей, а в чудном, прилипчивом камне—магните. Может быть, точнее оказались бы пророчества По, если бы не в рядных воздушных шарах искал он будущее лёгкого дела, а в новейшей детской игрушке—матерчатой бабочке с пропеллером на резинке.

Ход событий, опыт жизни подсказывают нам, что будущее не за тем, что сегодня кажется главным и вселильным, но уже начинает стареть и отмирать, а за тем, что возникает и развивается, если даже выглядит оно сегодня ничтожной мелочью.

Потому так трудно предсказывать будущее, воображать облик будущей машины. Потому так трудно стать изобретателем.

ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ

о, что кажется сегодня мечтой, фантазией, завтра может осуществиться — стать изобретением.

Но бывают бесплодные фантазии, бесплодные мечты.

В один из дней 17... года учёный секретарь Парижской академии наук, почти не глядя, отстранил пачку изобретательских предложений.

— Сожгите этот бред! — приказал он старику-канцеляристу.

Так начался знаменитый в истории изобретений «заговор молчания». Он возник в Парижской академии наук и охватил постепенно все научные учреждения мира.

Академики единодушно порешили не принимать и не рассматривать проектов «перпетуум мобиле» и авторам их не отвечать.

«Что такое перпетуум мобиле?» — спрашивает Мартын в пушкинских «Сценах из рыцарских времён».

И Бертольд отвечает:

«Перпетуум мобиле, то есть вечное движение. Если найдут вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото — задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — но найти перпетуум мобиле!.. о...»

Это «О!» восхищённо повторяли изобретатели в течение многих веков. Изобретатели мечтали о машине вечного движения. Чудесной, безостановочной машине, которая бы вечно двигалась, не нуждаясь ни в топливе, ни в ветре, ни в потоке воды, ни в электрическом токе. Вечном двигателе для любых полезных человеку машин.

Изобретатели старались придумать вечный двигатель так же упорно и безуспешно, как алхимики искали секрет делать золото. Эта мысль кружила головы людям. Задача казалась близкой, решимой. Машина уже вертелась в их головах, стояла перед глазами. Казалось, руку протяни — и вот она, машина!

Но тщетно! Ошибка... Просчёт... Обман... И, бывало, с ума сходили люди от неотступного думанья. Разорялись до дна, по миру шли с сумой. И всё перед ними маячила безостановочная машина, без угля, без ветра, без потока воды...

Изобретателей этих были тысячи. И одного из них, Александра Щеглова, описал Салтыков-Щедрин под именем «мещанина Презентова» в повести «Современная идиллия»: «Изба у него была достаточно просторная, но целая половина её была занята большим маховым колесом, так, что наше общество с трудом в ней разместилось». Изобретатель «обеими руками схватился за обод, несколько раз повернул его вверх и вниз и, наконец, с силой раскачал и пустил, — колесо завертелось! Несколько оборотов оно сделало довольно быстро и машина — слышно было, однако ж, как внутри обода мешки с песком то напирают на перегородки, то отваливаются от них, потом начало вертеться тише, тише, послышался треск, скрип и, наконец, колесо совсем остановилось.

— Зацепочка, стало быть, — сконфуженно объяснял изобретатель».

Зацепочка! И чем больше проектов вечного двигателя рассматривали учёные, тем тверже убеждались, что в каждом проекте где-нибудь да таится какая-нибудь зацепочка, которая всё сводит насмарку. Ещё выяснилось, что проекты вечных двигателей похожи друг на друга и из сотен проектов не наберётся и десятка различных систем. Из года в год на разных концах земли изобретателям приходят в голову одни и те же мысли.

Изобретатели вечного двигателя напоминают белку в колесе. Они кружатся в замкнутом кругу идей.

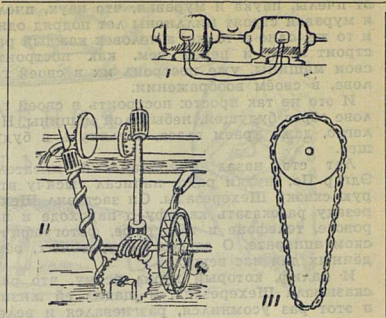
И если выхватить из каминя Французской академии наук обгорелую папку изобретений, то окажется в ней примерно вот что.

ЧЕРТЕЖИ ИЗ ОБГОРЕЛОЙ ПАПКИ

Проект первый. Мотор и динамо сидят на одном валу. Мотор должен вращать динамо, а динамо — давать ток, который двигает мотор. Так они и будут крутить друг друга, и, быть может, удастся прицепить к ним ещё какую-нибудь машину, чтобы и она крутилась. Это сравнительно хитрый проект,

но и тут сидит зацепочка. А чтоб разобрать, какая, взглянем на второй проект, по-проще и поглупее.

Бак, насос и водяное колесо. Вода, вытекающая из бака, крутит колесо, а колесо двигает насос, который гонит воду обратно в бак. Изобретатель полагает, что машина будет вертеться вечно. Кажется, это вполне своеобразный проект, непохожий на первый. Тут вода, а там электричество. Но в учебниках физики принято сравнивать электрический ток с потоком воды, электромотор — с водяным колесом, а динамо — с насосом. Если сравнить и наши оба проекта, то окажется, что они близнецы.

Чтобы вода в баке не убывала, насосу надо подкачивать в бак ровно столько воды, сколько её вытекает на колесо. Вода в машине должна двигаться, как бесконечная цепь, перекинутая через блок: сколько звеньев опускается вниз, столько звеньев поднимается вверх.

Бесконечная цепь, свисающая с блока, — вот вам третий проект!

Но уже тут все видят, что машина получилась дурацкая.

Цепь уравновешена с обеих сторон и, конечно, не будет двигаться сама, да ещё вечно, без особого на то щучьего веления. А раз не будет двигаться цепь, — значит, не пойдут и колесо с насосом и динамо с электромотором — это всё похожие машины.

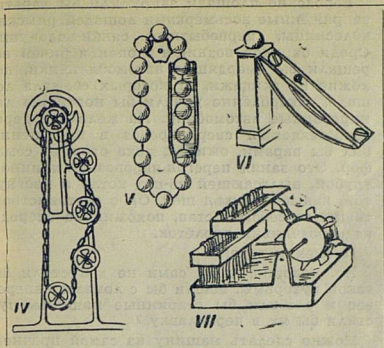
Изобретатели перебирают в головах всевозможные комбинации, какие только могут выдумать и представить, в надежде перехитрить бесконечную цепь. Предлагают чертёвтый проект: левую сторону цепи оставляют свободно свисать вниз, а правую пускают по роликам.

Изобретатели смотрят на чертёж и соображают:

— Та сторона цепи, что идёт по роликам, всегда длиннее висящей свободно, а следовательно, и тяжелее. Значит, она всё время будет перевешивать, и цепь будет вращаться, сползая по роликам вниз, и никогда не остановится!

Смотрят изобретатели на чертёж и не замечают, что разные звенья цепи на длинной стороне тянут вниз по-разному. Некоторые звенья спокойно лежат на роликах и вообще не тянут, часть звеньев лениво соскальзывает с роликов и тянет не всей своей тя-

жестью. И если сложить силы тяги всех звеньев, то окажется, что общая их тяга на длинной стороне такая же, как и на короткой. Обе стороны будут уравновешивать друг друга, и цепь не сломается.

Опять зацепочка!

А вот блестящий пятый проект! Сделать цепь из плавучих шаров, да и пропустить одну сторону сквозь трубу с водой. Шары в воде постоянно будут стремиться всплыть и тянуть за собою вверх всю цепь. Тут уж, наверное, цепь завертится.

Завертится, непременно завертится! Но — в обратную сторону.

Как ни будут стараться шары всплыть вверх, а всё равно им не вытянуть цепь. Столб воды в трубе всей своей тяжестью давит на нижний шар, затыкающий дырку, и это давление пересялито. Столб воды выпихнет нижний шар, трубка выплунет в дырку шар за шаром, цепь будет продвигаться вниз, в обратную сторону, пока не выплещется вся вода! Стоп машина! И здесь зацепочка!

Изобретатели призывают на помощь неиссякаемую силу магнита. Перед вами шестой старинный проект. На красивом постаменте, похожем на памятник, поставлен большой шар. Это сильный магнит. На вершину постаumenta ведёт наклонная дорожка. У подножья дорожки лежит железный шарик. Магнит притягивает шарик, и он вкатывается вверх по наклонному пути. Но тут изобретатели подстраивают шару каверзу: на пути пробивают дырку. Ожидают, что шар провалится в дырку, скатится обратно к подножью, а там его снова подхватит магнит. Получится вечное движение.

Ничего из этой затеи не выйдет! Если уж осилил магнит, шарик смог вкатиться по наклонной дорожке, то уж — будьте спокойны! — он его не упустит в дырку. Он протачит его мимо дырки, прилепит к себе и будет держать, как на принае.

Где искать? За что хвататься?

Может быть, фитиль? Тот фитиль, что в настольной лампе непрерывно соеёт керосин, подымая его вверх, к огню. Взять большой, как простыня, фитиль, окунуть его в пруд, а другой конец забросить вверх, в жолоб во-

дяного колеса. И пускай этот фитиль подсысывает воду к верхнему концу, а оттуда она будет капать в жолоб и стекать обратно в пруд, покрутив колесо по дороге.

Всё напрасно! Всё без толку!

Если уж сумел фитиль подтянуть воду к жолобу вверх, то уж он сумеет её и удерживать и ни капли не пустит в жолоб. Тот же грех, что и в предыдущем проекте.

Зацепочка! Зацепочка! Везде зацепочка!

И выходит, что до того, как созрел и оформился знаменитый «заговор молчания» Французской академии наук, уже окружал изобретателей вечного двигателя иной упорный, глухой заговор — заговор вещей.

Люди работали над изобретением паровых машин, водяных двигателей, электромоторов, и эти машины у них выходили. И людям помогали тут и цепи, и магниты, и плавучие шары.

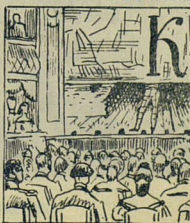
Вечные же двигатели у изобретателей не выходили, не выходят и не выйдут никогда. Вещи вставали здесь людям наперекор. Всё протестовало и сопротивлялось: от звена железной цепочки до магнита и лампового фитиля.

Дело в том, что люди, которые изобретали паровые машины и электромоторы, изучали законы природы и, подчиняясь этим законам, подчиняли природу себе. А изобретатели вечных двигателей не присматривались к законам природы, не изучали эти законы: они держали в голове одну свою упрямую идею и старались осуществить, не считаясь ни с чем.

Они бросались на штурм природы со спущенным забралом, как Дон-Кихот на штурм востряных мельниц. А природа жила по своим законам, и она сразуж, тяжело ударяла оземь горе-изобретателей, рушила их надежды, развевала мечты.

Если бы изобретатели присмотрелись к законам природы, они бы поняли, что всякие двигатели, какие только есть на земле, обязательно работают за счёт чего-то: за счёт ли энергии топлива, сгорающего в топке, энергии ветра, энергии падающей воды. Это есть следствие закона сохранения энергии, всемогущего закона природы, на котором стоит мир. А изобретатель, желающий построить машину, одна часть которой работает за счёт другой, похож на барона Мюнхаузена, который верхом на коне увяз в болоте и старается вытащить себя и коня, ухватившись рукой за собственные волосы.

ВЕЧНЫЕ МАШИНЫ

слову, спросим: нужны ли вечные машины?

Можно не гадать: есть возможность проверить. Правда, вечных машин у нас нет и быть не может, но остались кое-где почтенного возраста машины, которым от роду сто лет и больше.

В Малом театре в Москве есть машина для подъёма занавеса. Ей значительно больше ста лет, но она исправно работала до по-

следнего, военного времени, пока театр не попортила фашистская бомба.

Но при всём уважении к машине режиссёры ею давно не пользовались. Дело в том, что машина упрямо держалась старинной посылочки: «Поспешишь — людей насмешишь!» — и тащила занавес вверх добрую четверть минуты.

Для теперешних темпов театрального действия это был форменный зарез. Актёры просто не знали, что им делать на сцене, и как им себя держать, пока, неспеша, управляет с занавесом нерасторопный механизм. Поэтому режиссёры избегали работать со старым занавесом, а использовали новый, раздвижной.

Не так давно приехала какая-то столичная комиссия на один из глухих сибирских заводов. Заглянули в цех и ахнули. Словно ремонта встретили! На заводе пыхла паровая машина Уатта, прапрабабушка всех паровых машин. Было ей верных сто двадцать лет, но работала она исправно и неумоимо, словно ещё сто лет собиралась проработать на своём посту. Наши прадеды не умели ещё как следует рассчитывать машины и, для верности, строили попрочней, с запасом.

Конечно, машину разобрали и отправили в музей. И не только как техническую диковину. Машина занимала здание размером с небольшую электростанцию, а была не мощнее автомобильного мотора.

Теперь представьте, что все машины бесмертны, что машины не изнашиваются, не разрушаются, как стареют и умирают люди. И что все машины, какие только строили в мире, продолжают жить на земле.

Что бы тут творилось!

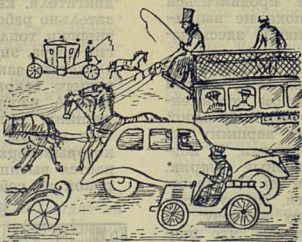
Городские площади запрудили бы кареты, запряжённые восьмёрками лошадей, римские колесницы, первобытные санки-волокуши. Среди окриков возниц и хлопанья бичей верещали бы смердящие автомобильчики, похожие на экипажи, от которых сбежала лошадь, оскорблённо урчали бы новейшие лакированные автомобили. На железной дороге обтекаемый сверхпаровоз в нетерпении бил бы парами, ожидая, пока откроют семафор. Это занял перерон паровозик с длинной трубой, вылезавшей из-под котла и изогнутой, как верблюжья шея. Он с достоинством тащит за собою состав, пожий на очередь из извощичьих пролёток.

И смех и горе!

Но, наверно, люди сами не допустили бы такой кутерьмы, пошли бы с ломами наперевес и разбили бы старинные машины, пустили бы их в переделку.

Можно сделать машину из самой прочной стали, и всё-таки она состарится и умрёт намного быстрее, чем человек. Старость и гибель её не в том, что проржавел металл, изнасились суставы, разболтались соединения, а в том, что состарился её устройство, её конструкция, состарился и утратили жизненный смысл. Как говорят, машина «морально» устарела, изношена «морально».

Бывает, всего год летает боевой самолёт и лет пять ещё может пролетать — конструкция выдержит, — а его уже надо хоронить жаливо. Он устарел и выгладит так, как рыцарь в старинных доспехах в сегодняшнем бою. Вот и решайте: нужны ли нам вечные машины? И так ли уж много сулила людям эта неуспевающая мечта?

Государственная Третьяковская галерея.

СТРЕКОЗА.

С картины И. Е. Репина.

Когда после долгого перерыва театр имени Кирова в Ленинграде снова наполнился оживлёнными, радостными людьми, ленинградцы увидели его во всём прежнем блеске и великолепии. Нежное сияние позолоты делало свет, озаривший зал, живым и тёплым. Вся эта позолота была заново наведена ребятами из 3-го ремесленного училища. Это — архитектурно-строительное училище. И его ученики — мраморники, позолотчики, лепщики, резчики — участвовали в восстановлении многих замечательных зданий Ленинграда и его окрестностей, разрушенных немецкими варварами. Вот тут, на снимке, вы видите известного скульптора М. Е. Громова и ремесленника Жюю Иванова, которые вместе работают над реставрацией лепных украшений Гатчинского дворца.

А это ученики того же ремесленного училища Гено, Фёдоров и Спасокий вместе со своим мастером И. Ф. Соболевым очищают от грязи и копоти и укрепляют барельефы в Белом зале. В Гатчинском дворце, ограбленном и разрушенном немцами, работа с честью потрудились. Они помогли сохранить для нашего народа работу талантливых мастеров. Стоя на специально построенных лесах, среди обгоревших, законченных стен, они закрепляли грозящие рухнуть мраморные барельефы, лепные золочёные карнизы. Многие украшения дворца валялись, разбитые, внизу. Ребята руками перебирали груды мусора, по кусочкам отыскивали и склеивали лепные украшения, чтобы по этим образцам можно было восстановить прежнее отделение дворцовых комнат.

1

Лес. Предвечерняя тишина. Посреди лесной полянки темнеет большая пятиконечная звезда. Около неё два мальчика в красных галстуках.

Мальчики поправляют барьер из дёрна, окаймляющий звезду. В центре звезды, в углублении, уже сложен большой костёр. Скоро взойдёт над костром пламя. И этой минуты мальчики ждут с волнением. Им, пионером лучшего в лагере звена, выдало точное задание — за ночь костёр.

2

Ветерок, пробежавший по лесу, колышет гирлянды флажков, фонарики и транспаранты, развешанные на деревьях. Лучшие художники лагеря потрудились над украшением полянки. Они сплели гирлянды из цветов, из шишек, из жолудей. А как красиво и как необычайно выглядит этот большой лозунг! Постоите-ка: да ведь буквы его вытыканы по марле жизыми цветами—васильками, маками, ромашками!..

Три времени Победы

Лев Кассиль

1. Накануне

Друзья дорогие! Сядем вокруг костра, подберём сухих веток в огонь и поговорим о Великой Победе, о том, что было и что ещё будет...

Не всякому поколению сподой, не на каждый век выпадают дни, которые достались нам. Слава этих дней будет с нами пожизненно. История запомнит их навеки.

Так сядем же теснее вокруг костра и, вспомнив о вчерашних днях, помечтаем о завтрашних... Подкиньте ещё смолистых веток в костёр! Пусть выше взметнётся его пламя. Нам теперь незачем прятать наши огни, укрывать их тьмой. Победа сняла с нас суровый обет темноты, который мы строго оберегали без малого четыре года. Сегодня наш костёр — один из флажков Победы. Смотрите! Разве не похожи эти мчащиеся в небо и медленно гаснущие искры на ракеты, которые взлетали над крышами во время салютов?!

Помните, как в канун Первого мая, в канун Победы, мы сорвали синие шторы с наших окон и выпустили свет на улицы?

Как мы соскучились по этому свету, вольному и щедрому, который не надо было больше прятать за синие шторы, укрывать маскировочными щитами, хоронить под тёмными абажурами! 1407 ночей держали мы свет взаперти, чтобы он не вырвался в небо, чтобы взлет в ночной темноте не слился его жадным зрачком, дулом пулемёта, прицелом для бомбометания. Мы знали, что нас хотят поубить вооружённые до зубов вракобесы, светоченавистники, готовые пожрать всё, что тянется к разуму и солнцу. И, чтобы отстоять светлую правду, ради которой мы живём и работаем, мы должны были на время спрятать свои дома, заводы и улицы в защитную тьму.

Когда первый раз Москва салютовала войскам Красной Армии, освободившим Орёл и Белгород, в затемнённое небо Москвы брызнули разноцветные огни. Вышки салютного фейерверка были коротки, а ночь была длинной. Но, любясь ракетами, мы видели в них искры будущей победы, которые уже врываются во тьму военной ночи. Мы знали, что придёт вечер, когда свет жилой, свет уличный, свет праздничных огней и костров высоко подымет весёлое, чистое зарево над Москвой и снова наполнится рубиновым светом звёзды Кремля.

И вот пришёл этот желанный вечер. Каждая лампочка выльется именинницей. Как любовно обтирали её люди: пусть светит во всю силу, пусть ни один лучик не пропадёт на этом празднике победившего света!

А как важничали фонарщики! Задрав головы, влоча длинные лестницы, ходили они по улицам. И все смотрели на них с уважением: вот они, люди, заведующие воскресными огнями.

На головокружительной высоте, подвешенные в специальных люльках, на лёгких мостиках, прилаженных к шпилькам башен, отважные верхолазы в этот вечер сняли маскировку и заветных звёзд Кремля.

Мальчишки носились по улицам, таща вороха пыльных, никому уже сегодня не нужных шпор:

— Даёшь растемнение!

И шоферы, сняв маскировочные заслонки с автомобильных фар, дали «большой свет».

Большой свет! Какой блистательной увидели мы в тот вечер Москву! В переулке, под ярким фонарём, двое шмыльняков склонились над цветным алмазом Берлина.

Они стояли в светлом переулке, два маленьких москвича, вода пальцем по карте германской столицы:

— Вот видишь — это Берлинерштрассе. Наши уже тут. А вот здесь их самый рейхстаг. Что ты споришь?! Берлина я не знаю!?

А над ними улыбалось сияющее лунообразное лицо уличного фонаря, сияли плазига многоэтажных домов: Москва, тордая, vystоявшая, победившая, светлоглазая, заглядывая в тёмную премайскую ночь, готовясь встретить близкий день полной нашей победы.

2. В тот день

В час, когда говорил с народом Сталин, и после, когда все готовились услышать прохот великого салюта из тысячи орудий и полюбоваться лирой ошей в праздничную ночь, я был на Красной площади, у нашего микрофона. Вокруг нас, плотно охватывая со всех сторон, стояла густая толпа. Сотни тысяч москвичей заполнили всё огромное пространство от мостов и набережных Москвы-реки до улицы Горького. Ни пройти, ни проехать было тут в эти минуты. Всем хотелось быть в этот вечер здесь, на Красной площади, у стен Кремля, поближе к Сталину. Но вот золочёная стрелка на освещённом циферблате кремлёвских часов подошла к десяти, и тысяча орудий выбросила в небо могучий одновременный залп. И тутчас над Москвой встала куполом под облаками исполненная беседа, сплетённая из голубых, алых, фиолетовых лучей прожекторов. Там, где скрестились лучи сотен прожекторов, высоко над городом, поднятое тросом невидимого аэростата, запылало, заструилось красным светом колоссальное красное знамя.

И в эти минуты я услышал около себя девичий голос:

— Гляди, Петя! Видишь, красота какая! А знаешь, где это знамя поплыло? У нас. Наши девушки работали. А слышал, сколько в нём метров? В нём...

Я не успел расслышать, сколько метров было в этом гигантском стяге, развешен под самыми звёздами, потому что услышал позади себя друшой интересный разговор:

— Хороши прожекторы? А кто их электрооборудование ставил? Ясно, кто... у нас на заводе. Ты представляешь себе, сколько миллионов свечей в каждом таком?

Только я собирался было выяснить, сколько миллионов свечей горит в каждом из могучих прожекторов, которые своими лучами, словно колонады, подпирали небо Москвы, как внимание моё отвлёк голос слева:

— Вон самолёты пошлти! Вон, видишь, ракеты мечут? Новенькие машины. С нашего завода. Уж я-то свой мотор разом по звуку определю, не глядя. А вот, спрашивается, мощность тебе известна их?

Не пришлось мне выяснять мощность новых моторов, не пришлось потому, что все вокруг меня выгнулись куда-то в сторону, где кто-то громко говорил:

— Товарищи! Товарищи! Это Герой Советского Союза. Да нечего отмахиваться! Я же его знаю, товарищи: мы с ним вместе в средней школе учились и на одном курсе — в университете. Пусть только он пальто расстегнёт: у него там, знаете, сколько орденов!..

Не узнал я, сколько орденов у Героя, которого тут же восторженно подбросили вверх десятки рук. Звонкий возглас какого-то мальчишки раздался справа:

— Вася, идём на Манежную, там оркестр играет из нашего клуба. У меня там знакомый дядька на главном барабане играет. Идём, где музыка. Там у них одних трубачей только триста человек. А барабаников, знаешь, сколько?!.

3

Тихо. Совсем тихо в лесу. И вдруг задорно рассыпается вдали дробь пионерского барабана. Звучит песня. Она ближе и ближе. На полянку выходит отряд за отрядом и группа гостей. Но что это? Как забавно наряжены ребята! На ком пыльные венки из цветов, кто надел на голову дубовые ветки, похожие на лавровые венки римских триумфаторов, у некоторых голозные уборы из впитых шерсть, совсем как у индейцев. Кто-то смастерил себе смешную «корону» из еловых шишек. Белеют поварские колпаки, пестреют яркие карнавальные шапочки.

Все рассаживаются. И на полянке снова становится так тихо, как будто никого нет в лесу.

Но старший вожатый подаёт знак, и мигом у костра выстраиваются полукругом фанфаристы. Торжественный звон фанфар пролетает по лесу и обрывается. Звонит юный взволнованный голос:

«Сталину наш пионерский привет
Над всей страной пронесись!
Во славу былых и грядущих побед
Костёр пионерский...»
И дружный хор отдаёт команду:

«Зажигай!».
Высоко взлетает весёлое лёгкое пламя.

Потрескивают ветки в костре. Он горит теперь ровнo и ярко. У костра стоит человек в военной форме. Он рассказывает о великой войне, о победе, о подвиге. Он говорит о самом волнующем, — о том, как быть достойными согражданами прославленных героев, нужными родине людьми. Что должны знать и уметь пионер, чему можно научиться здесь, в лагере. Внимательно слушают ребята.

А потом задумчиво тишину леса нарушает песня. Песня о победе и труде, о дружбе и радости. Её затягивают запевалы и подхватывают все дружным, единым хором.

5

На полянке физкультурники. Под гармонь они делают волновые движения. «Раз, два, три» — физкультурники строят пирамиду. Пламя костра ярко озаряет застывшие стройные фигуры. А там начинается концерт.

6

Но вдруг в лесной чаще раздаются таинственные звуки гонга. Из-за кустов медленно и величаво выходят волшебники. На них остроконечные шапки звездочётов, диковинные плащи из листьев, нанизанных на нитки.

Главный волшебник поднимает жезл:

— А ну-ка проверим ваши познания... Тур ходит по горам, турица по долам; тур свистнет, турица мигнет. Что это такое?

Я не пошёл считать барабанщиков. Мы окунувшись в бурный людской поток, где каждый по праву считал себя одним из добытчиков победы, полноправным участником праздника. Зенитчицы и швеи, Герои Советского Союза и электрики, авиастроители и музыканты — все они делили славу этого вечера. Незнакомые люди на улицах брались за руки, и весёлый хоровод вовлекал в своё весёлое вращение всех, кто был на улице. И казалось, что всю Москву закружил этот праздничный, невиданный хоровод славы.

3. Завтра

Месяца два назад мне довелось побывать на некоторых наших больших военных заводах. Ещё шла война, ещё пылали пожары в Европе, ещё лилась кровь, но уже виден был за горизонтом желанный день Победы. И люди уже вглядывались в этот день и готовились к нему. Я видел, как на заводе, выпускавшем срочную продукцию для фронта, люди в редкие для них свободные часы задумывались уже над тем, как облегчить переход предприятия на рельсы мирного производства.

Вот, скажем, завод, где делают прозрачное небьющееся вещество. Закованные в эти хрустальные латы, защищённые ими от пуль и осколков, лётчики наши вели в германском небе свои боевые самолёты.

Но вот прогремел последний залп войны в Европе. Скоро многие лётчики вернутся домой и, поднимая тост в честь Победы, они узнают в стенках прозрачного бокала то чудодейственное стекло, которое не раз спасало им жизнь. Уже заранее, понемножку, так, чтобы это не отвлекло работников от военного производства, завод стал налаживать выпуск всяких мирных предметов из небьющегося стекла, так называемого плексигласа, особой прозрачной пластмассы. Кстати, эти строкки я пишу ручкой, отлитой из органического стекла, окуная перо в массивную прозрачную чернильницу, которую можно сразу же швырнуть на пол: с ней ничего не случится. И кажется мне, что через чистые строгие грани её вижу я какой-то уголок нашего завтрашнего дня, когда отвоёванное нами будущее станет таким светлым, каким мы ещё и представить себе сегодня его не можем.

Довелось мне быть и на Горьковском автозаводе имени В. М. Молотова. Люди, работающие на горьковском автогиганте, выполняли в те дни суровые и неотложные требования фронта. Но они были мечтателями, они нашли время, чтобы подумать о завтрашнем дне. Директор автозавода генерал-майор инженерно-технической службы Лоскутов и главный конструктор завода лауреат Сталинской премии Липгарт познакомили нас с новой моделью легкового автомобиля. Машину сконструировали во время войны. Она скоро заменит сегодняшнюю скромную «эмку». Это небольшой пятиместный лимузин с очень изящными обводами кузова. Крылья у лимузина как бы вовсе отсутствуют. Они вкормпнованы в корпус, и благодаря этому при таком же, как у «М-1», поперечнике машина оказалась более вместимой. Сердце всякого автомобилиста азартно забьётся при виде этой новенькой машины. И окончательно восхитится он, когда сядет за руль, полюбуется оригинально смонтированными и красивым шпиком, превосходной арматурой, когда комфортабельно расположится на удобном сиденье и включит бесшумный мотор, который, кстати, расходует меньше горючего, чем сегодняшняя «эмка».

Мы всешили продолжить нашу поездку на этой завтрашней машине. Она отлично набирает скорость. У неё очень плавный и покойный ход. Удобная, красивая, сверкающая блестящей отделкой, радуя глаз своим стремительными линиями, машина плавно неслась по ровной дороге, и не было человека, который бы не влюбился в этот мчащийся виденный нашего завтрашнего дня.

А он будет ещё лучше, чем сегодняшний, друзья!

На передке нашей машины, наложенные стальными буквами, свер-
гало название «Победа». Может быть, совсем не так будет называться
машина, и после всех предстоящих ей испытаний, проверок и принятых
поправок она будет не точно такой, какой мы увидели её вчера. Не в этом
дело. Радостно было видеть и трогать её руками, ощущать движение чуж-
дой машины и угадывать в ней те новые черты нашей послевоенной
жизни, которую мы скоро создадим.

Могучая техника нашего века — бог двуликий. Во время войны она
обращает к врагу своё огнемечущее, разгневанное, смертоносное лицо.
В дни мира мы видим её обращённый к нам вдохновенный лик. Она обо-
гатит и украсит наши улицы, наши жилища, нашу жизнь.

Ведь щедром появились в газетах странно звучащие, не всем понят-
ные слова: «вечемобиль», «видеотелефон», «теликонтер»...

Уже созрели в лабораториях, уже сконструированы, уже проверены
на опыте и практически доказали своё удобство, свою пригодность эти
новые аппараты и машины, которые скоро войдут в нашу жизнь. Уже
испробован в лабораториях «видеотелефон», разговаривая по которому вы
можете видеть у себя дома на экране, как выглядит ваш собеседник, за-
жил ли, допустим, у него шляпку, полученный во время вчерашней стычки
на футбольном поле.

Уже бегает по цехам станкозавода имени Орджоникидзе маленький
бесшумный «вечемобиль», немного напоминающий троллейбус, но не пуж-
дающийся в простояном прикосновении к электронающему проводу. «Ве-
чемобиль» — высокочастотный экипаж — может двигаться по улицам, не
прикасаясь к проводам, проложенным под землёй. Он воспринимает эне-
гию на некотором расстоянии от проводников тока, находясь в поле их
действия. В Киеве уже готовится построить первую большую «вечемо-
бильную» линию городского транспорта. И недалёк тот день, когда по
восстановленному Крещатику, обгоняя друг друга, помчатся бесшумные,
не требующие воздушной или наземной проводки, не нуждающиеся в
рельсах красивые и лёгкие, свободно двигающиеся экипажи.

А «теликонтеры» уже не раз применялись на деле. Это самолёты,
у которых, кроме пропеллера, есть большой винт, вращающийся на вер-
тикальной оси и тянущий машину прямо вверх. «Теликонтер» может
неподвижно висеть в воздухе, опускаться на маленькую лужайку, садить-
ся на крыши домов, на палубы кораблей. И разве не удобно будет прямо
с балкона или с крыши своего дома по тысячей лесенке, обращённой по-
длетевшим «теликонтером», подняться на борт его и отправиться в воз-
душное путешествие?!

Победа завоевана! Свет на наших улицах! Вынуты из цинковых ци-
линдров, скатаны с валов и заняли свои обычные места в золотых рамках
картины Сурикова и Репина в знаменитой Третьяковской галерее. Люди
озабочены благоустройством своих городов. Они хотят, чтобы те, кто во-
звращался отсюда победы над Берлином, вернувшись домой, порадоваться чи-
стоте и красивому порядку, который мы наведём в наших домах, на наших
улицах.

Каждому из нас надо ещё много поработать. Война наделала немало
бед. Много придётся восстанавливать... Но во все дома вернуться отцы.
Навестите эти дома, ребята, пойдите в эти семьи, чтобы дети, потерявшие
отцов-героев, не чувствовали себя сиротами, чтобы тёплое ваше участие и
дружеское внимание помогли им перенести их большое горе. И когда
спрашивают меня ребята, как же теперь надо жить и работать, я го-
ворю им:

— Все мы должны теперь и всегда жить, работать, учиться так,
чтобы каждый день нашей жизни был достойным продолжением того
великого дня, когда знамя Победы утвердилось над миром!

— Гром и молния, —
несётся в ответ.

Но не так-то легко удо-
влетворить строгого во-
лшебника, — много ещё
загадок и головоломок
задаёт он ребятам.

7

— Минутку терпения, —
объявляет один из ассис-
тентов. — Сейчас мы
покажем самый трудный
номер нашей программы.
Волшебники что-то де-
лают у костра, прикры-
ваясь своими плащами, и
вдруг с криком «летит»
отбегают в сторону. Над
костром поднимается
шар-монгольфьер.

Все вскакивают, хлопа-
ют, шумят. Шар медлен-
но ульзает вверх, теря-
ясь в сумерках.

Костёр закончен, но
входить никому не хочет-
ся. Затеваются игры —
горелки, пятнашки. На
поляне шумно. Играют
все — и пионеры, и вожа-
ты, и гости.

8

Где происходит этот
костёр, кто его организа-
торы? И ты, и ты!.. Все
вы можете интересно и
разнообразно провести
костёр в своём лагере.

Что для этого нужно?
Ответ на этот вопрос
ты найдёшь на 31-й стра-
нице.

Игорь Всеволожский

Рис. В. Цельмера

(Окончание)

Глава одиннадцатая, в которой главным действующим лицом оказывается серая лайка Дик

Они поселились в гостинице «Абхазия». С балкона были видны приморский бульвар, пляж с купальщиками, длинная пристань водной станции «Динамо» и гладкая, как стекло, набережная, по которой с воем пролетали автомобили. Над морем кружили чайки. Пётр Сергеевич куда-то ушёл, приказав ребятам никуда не отлучаться из номера. Они ему могут понадобиться в любую минуту. И ребята молча сидели на балконе. Из раскрытого окна под ними доносились звуки рояля. Там жил флотский композитор, сочинявший оперу. Солнце садилось за морем, огромный багровый шар.

— Смотри-ка... Шалико... — вдруг сказал Боря.

Внизу по панели шёл их знакомый толстый фруктовщик. Как он очутился здесь, в Сухуми? Он поглядывал на окна. Ребята прижались к стене: они не хотели, чтобы он их заметил. Он повернул за угол и исчез. Совсем стемнело, а Пётр Сергеевич всё не приходил. В номере не было света. Ложиться спать ребята не решались. Дик принялся скулять.

— Что ты, Дик? Что с тобой?

Пёс продолжал скулить, тычась в маринины коленки...

* * *

Да, всё было подготовлено вовремя — и катер возле Синопа, и рослые матросы, спрятавшиеся за толстыми стволами эвкалиптов... Пётр Сергеевич посмотрел на светящийся циферблат часов. Десять! Ровно десять, а никто не приходит. Но вот посыпались лёгкие шаги. Человек шёл от шоссе к морю. Его нельзя спугнуть, пусть придёт на катер. Один идёт, но где же второй? Человек подходит всё ближе и ближе. Вот он уже на пляже. Темно, совсем темно. Он покашивает, мигает фонарик. С катера мигает фонарик в ответ. Кто-то тихо спрашивает:

— Кто идёт?

— «Собака полковника», — глухо отвечает человек.

— Входите на борт.

Не успевает человек взойти на борт, как на него наваливается несколько матросов. Он отчаянно отбивается, ему вмят руки.

— Поторопились, чорт вас возьми! — всердцах ругается Пётр Сергеевич.

Он бежит на катер и осмещает фонариком лицо пойманного. Это старик с седой бородкой, в очках, в сбитой набок шляпе.

Приходит матросы, сторожившие в тени эвкалиптов. Они показывают клочок материи.

— Ушёл! — говорят они. — Услышал шум — и ушёл. А это оставил он на колючей проволоке...

— Отваливай, — говорит Пётр Сергеевич. — Курс на городскую пристань...

* * *

Через полчаса в ярко освещённой комнате допрашивают ботаника. Старик возмущается, сердится, говорит, что он заслуженный деятель, научный работник, ботаник, выращивает цитрусы, его знают в Москве, он будет жаловаться.

Документы у него в полном порядке.

И обыск не обнаруживает ничего предосудительного. Старик возмущается искренно, на глазах у него выступают слёзы, он протирает платком запотевшие очки.

— Зачем вы очутились возле Синопа? — спрашивает Пётр Сергеевич.

— Гулял.

— Гуляли? Это, конечно, не запрещается. А что это за пароль вы произнесли: «Собака полковника»?

— Просто шутка. Какое-то воспоминание, не больше.

— Миленькое воспоминание! А почему в Батуми вы каждый день появлялись около витрины фруктового магазина?

— Любовался календарём из фруктов.

— Да? Это вас забавляло? А если я вам скажу, что вы каждый день считали число орешков? И что каждый орешек означал корабль, выходящий нынче из порта, и вы передавали эти сведения вашим подводным лодкам?

— Какие сведения? Каким моим лодкам? Чепуха!

— А почему вы выехали вчера в Сухуми?

— У меня тут дела. И я не обязан вам отдавать отчёт.

— Хорошо. Я вам скажу, какие у вас тут дела. Вчера орешки были разложены зигзагом. Это означало, что вы должны выехать в Сухуми, где вас будет ожидать катер. Не так ли?

— Я отказываюсь вас понимать.

— Зато я вас отлично понимаю. Довольно записаться. Где сведения о наших кораблях, которые вы должны были отвезти?

— Никаких у меня нет сведений. Вы меня принимаете за кого-то другого.

— Хорошо. Скажите тогда, где так называемый майор Шранке?

— Я не знаю никакого майора Шранке.

— Хорошо. Тогда хотите, я покажу вам «Собаку полковника»?

«Ботаник» молчит. Пётр Сергеевич говорит в телефонную трубку:

— Пропросите полковника.

Дверь отворяется, и входит усатый полковник. У него совсем расстроенный вид.

— Прощу показать вашу трубку, — говорит Пётр Сергеевич.

Полковник вынимает свою двухъярусную трубку с собачьей головой.

— Вот что значит «Собака полковника», — говорит Пётр Сергеевич. — Или вы с нею незнакома?

Старик снимает очки и протирает их носовым платком. Потом снова надевает их на нос и рассматривает трубку.

— Любопытная вещь! — говорит он. — Хорошая работа. Но я не понимаю, какое она может иметь ко мне отношение.

Вдруг полковник протягивает свою огромную руку и снимает со стариковского носа очки.

— Проявить! — приказывает он густым басом Петру Сергеевичу. — Через пять минут вы будете знать, что за фрукт скрывается под маркой «ботаника».

* * *

Да, очки тотчас же проявили, и на них были нанесены секретные сведения — тихий «ботаник»-старичок оказался не кем иным, как верным помощником майора Шранке, диверсантом, таким же злодеем, как тот. Он вовсе не был стариком — седина на его бороде оказалась поддельной. И в течение целого месяца этого опытного шпиона водили за нос, ибо толстый Шалико оказался не кем иным, как лейтенантом Рыжковым, а бывший директор фруктового магазина, придумавший календарь из фруктов для передачи сведений немцам, давно сидел за надёжной решеткой. Лейтенант Рыжков, превратившись в Шалико, просто продолжал начатое немецким шпионом и не возбудил в старике-«ботанике» никаких подозрений. Целый месяц «ботаник» передавал своим подвонным лодкам сведения, не стоившие ни гроша, а в конце концов сам попался на удочку, прочитав на орешках, что ему следует поехать в Сухуми, откуда его заберёт катер. Но вот майора Шранке сплунули в последнюю минуту, и теперь он, наверное, уже далеко. Придётся начинать всё

сначала. А ведь это он был вечером возле Синопа, матросы принесли Петру Сергеевичу ключок гимнастёрки, — очевидно, майор в темноте напоролся на колючую проволоку.

Само собой разумеется, за всеми пассажирами на вокзасе сразу отдан приказ следить, следят за всеми уходящими из Сухуми машинами, но он не так глуп, этот майор Шранке, чтобы уехать поездом или машиной. Он опасный, очень опасный дьявол! Рыжков рассказал, как он чуть было не поймал его, вылезавшего из окна марининой комнаты, и как он бежал, поранив его в руку. И как Рыжков, выбив блюдечко с мороженым у Марины из рук, там, в парке, спас её от неминуемой смерти: этот злодей нахodu успел отравить мороженое! И Рыжков не схватил майора Шранке в Багуми только потому, что ему было приказано довести игру до конца и словить обоих диверсантов в последнюю минуту, возле моря.

А полковник Николай Васильевич совсем огорчён: он так хорошо сыграл свою роль, и вдруг теперь снова всё пошло прахом!

* * *

Как удивляются ребята, когда под утро приходит Пётр Сергеевич, а с ним — Шалико и полковник Николай Васильевич, и все они дружески разговаривают.

— Простите, ребята, что мы вас оставили одних, — говорит Пётр Сергеевич. — Мариночка, нам очень нужен твой Дик.

— А зачем? — спрашивает Марина.

— Сейчас узнаешь. Николай Васильевич, начнём?

— Приступим, — говорит полковник, — хотя я питаю мало надежд на собачий нюх.

Марина прижимается щекой к большой руке полковника. И он гладит её по голове. Но его мысли заняты сейчас одним: поймать майора Шранке.

— Ну, шен генацвале, — говорит Шалико Марине, — посмотрим, на что способна твоя лаяка.

Пётр Сергеевич вынимает из кармана ключок материи и протягивает его к носу Дика. Дик весь ошетинивается и рычит. И тогда Пётр Сергеевич идёт вперёд, а Дик — за ним.

— Действует, оказывается, — говорит, улыбаясь в усы, полковник.

Внизу, у широкого подъезда гостиницы, их ждут две машины. Ещё совсем раннее утро, и дворники поливают улицы. Машины срываются с места и мчатся сначала по набережной, потом по прибрежному шоссе, среди эвкалиптов, среди садов, к Синопу. Они останавливаются там, где вчера причаливал катер. Дик, ошетинившись, рыщет в траве. Он пролезает сквозь колючую проволоку, нюхает, ищет и вдруг, залааяв, бежит по шоссе назад, к городу, белеющему вдали. Машины медленно движутся за лайкой, а Дик, нюхая землю, спешит всё дальше и дальше. Вот они проезжают под wiadukом, они уже в городе, сворачивают на главную улицу, потом направо, на бульвар, едут к линии железной дороги. Дик всё бежит вперёд и вперёд. Куда-то он их приведёт? Ма-

шины снова ныряют под мост, по которому с грохотом бежит поезд. Теперь дорога поднимается в гору. Залыхавшийся Дик останавливается возле ворот: дальше дороги нет.

— Это обезьяний питомник, — говорит Пётр Сергеевич.

Дик скребётся в ворота. Николай Васильевич нажимает кнопку звонка. Выходит зашпанный сторож. Он не хочет пускать посетителей, говорит, что ещё рано, питомник закрыт, и обезьян нельзя беспокоить. Но Дик ныряет у него под ногами. Пётр Сергеевич еле поспевает за псом. Позади идёт Николай Васильевич, попрыгивая своей двухъярусной трубкой, а за ним — Шалико, Боря и Марина. Дик приводит их к клеткам, где режутся макаки. Они корчат гримасы и швыряют сквозь прутья клеток орехи. Один орех больно ударил Марину по лбу. Дик описывает круги, нохает, бегаёт, потом останавливается с растерянным видом, высунув розовый язык.

— Потерял след, — говорит Пётр Сергеевич.

— Зарапортовался, брат! — сокрушённо укоряет Дика Николай Васильевич.

Дик в самом деле совершенно растерян. Он поглядывает то на Марину, то на Бориса, то на полковника. Он водит носом по только что подметённому песку. Но вдруг он снова находит след и устремляется вперёд. Он семенил по дорожке, среди колючих кустов, усыпанных яркими цветами. Он добегаёт до большой клетки, посреди которой растут деревья. Две огромных рыжих обезьяны ловят друг у друга блох. Они не обращают на посетителей никакого внимания. Дик рвётся в клетку, шерсть его встаёт дыбом, он рычит. Николай Васильевич говорит подошедшему сторожу:

— Откройте клетку.

— Не имею права, — говорит сторож. — Это злые обезьяны, они могут вырваться на свободу и загрызть вас.

— Я вам приказываю отпереть клетку, — не терпящих возражений голосом повторяет полковник.

Сторож вынимает связку ключей и, недовольно ворча, отпирает замок. Дик сшибает его с ног и врывается в клетку. Обезьяны перестают ловить блох и отчаянно визжат, махая лапами на Дика. А Дик кидается к толстому стволу дерева, растущего посреди клетки. Обнюхивает его, бежит дальше, скребёт лапами железную решетчатую дверь,

Пётр Сергеевич с трудом отгоняет Дика и приказывает Шранке вылезти из бассейна.

цу, соединяющую клетку с соседним вольером с просторным бассейном посередине.

— Там никого нет, — сердито говорит сторож. — Ваша собака глупа, как пробка. Там жил orang-утан. Он сдох в прошлом году от чихотки.

— Отогрите, — приказывает полковник.

Дик чуть не сшибает сторожа с ног. Пётр Сергеевич входит за ним в вольер. Лайка бегаёт вокруг бассейна, заглядывает в воду, потом кидается за загородку, в бетонную конуру. Выбегает оттуда с виноватым, растерянным видом. Скулит, машет хвостом.

— Обмшулился, брат? — вдруг говорит сторож. — Только зря людей тревожите, граждане.

Дик вдруг садится и протягивает Петру Сергеевичу лапу, словно просит простить за то, что целое утро он водил его за собой зря.

Пётр Сергеевич стоит, озадаченно соображая, и вдруг он прямо в сапогах влезает в бассейн, весь заросший яркозелёной плесенью. Он хватает одинокий тростник, вытаскивает его, зелень вздымается, пузырится — и появляется водяной, леший, что угодно, — словом, нечто с ног до головы покрытое изумрудной тиной.

— Он! — кричит Марина.

А Дик сразмаху кидается в бассейн, расплёскивает воду и изо всей силы вцепляется в водяного.

Теперь они барахтаются в воде, Дик вцепляется чудихи в горло, оно поворачивает голову, хрипит, и все видят совсем белые, злые глаза.

Пётр Сергеевич с трудом отгоняет Дика и приказывает Шранке вылезти из бассейна.

— И вы поедете с нами, — коротко говорит он сразу ослунувшемуся сторожу.

Они спускаются вниз, к машине, по усыпанной гравием жёлтой дорожке. Шранке сажают в машину.

— Теперь мне понятно, почему девочка не узнала его ещё в поезде, — говорит Пётр Сергеевич полковнику. — Он достиг совершенства в гриме. Он научился перекрашивать даже свои белые глаза. И ловко же он лежал в этой ваночке лучше с тростниковой трубкой в зубах. Не новый способ прятаться, впрочем.

— Мы скоро приедем, идите домой! — кричит полковник ребятам и закуривает свою знаменитую трубку.

А ребята спускаются с горы. Впереди бежит Дик. Шапки оставляет их, он говорит, что ему надо сбросить тоапки, от которых ему досмерти жарко, снять усы и переодеться, чтобы предстать перед ними лейтенантом Рыжковым. Они могут спокойно идти в гостиницу. Теперь воздух чист.

Морской бриз обвевает их лица. Ребятам кажется, что красивее этой широкой, прямой улицы нет ничего на свете. Солнце так ярко светит, а цветы так чудесно пахнут!

— Ты знаешь, — говорит Марина Боре, — мне думается, что я спала, видела страшный сон и вот, наконец, проснулась. И сон этот никогда, никогда больше не повторится. Дик, милый, ты попадешь под машину, иди сюда, не носись!

— Да, Марина, — отвечает Боря, прикладывая руку к чёрной повязке на левом глазе, — этот сон больше уж никогда не повторится!

И они идут, взявшись за руки, посреди широкой, залитой солнцем улицы, и вокруг них цветут диковинные цветы, каких они раньше никогда не видали. Дик бежит перед ними, закрутив хвост крендельком. А впереди встаёт голубой стеной беспредельное, сверкающее, искрающееся на солнце море.

Чижик

Елена Благинина

Был у нас чижик, жил у нас пыжик
Две длинных зимы.
Очень хороший, весёленький чижик.
Крепко любили чижика мы.

Мама, бывало, с работы вернётся
После большого трудного дня,
Чижик увидит её и залётся.
Мама смеётся: «Встречает меня».

Если письмо запоздает отцово,
Сразу покажутся грустными дни.
Бабушка с мамой, конечно, ни слова,
Только я вижу: скучают они.

Скучно и мне. Ни картинок, ни кни-

жек —

Ничего я тогда не хочу...

— Милый мой чижик, хороший мой чижик,

Скоро ль от папки письмо получу?

Чижик головкою вертит лукаво,
Перышки чистит на тёплой груди:
Мол, не кручинься, экой ты, право!
Будет тебе письмо, погоди!

И полечает как будто немножко.

— Бабушка, ты, — говорю, — не скучай...

Глядь, письмоносец стучится в окошко,
Машет конвертом: пляши, получай.

Как-то нас подняли крики соседа,
Он барабанил в окно со двора:
— Встаньте! Победа! Проснитесь! Победа!
Кончились немцы! Победа! Ура!..

Утро нас встретило солнечным светом,
Песнями, музыкой, ливнем флажков,
Я не забуду о празднике этом,
Нет! Не забуду во веки веков.

Взял я на радостях да и поставил
Клетку с чижом на скамейку в саду,
Дверцу распахнутой настежь оставил,
Сам за кустом притаился и жду...

Чижик вспорхнул и чирикнул у дверцы,
Снова вспорхнул и ни с места. Молчок.
Я холодею, колотится сердце:
— Что ж ты? Лети, ну лети, дурачок!

Иль на свободу тебе несхота?
Ты же об этом мне только и пел?!
Чижик ответил весёлое что-то,
Крылья расправил и... улетел.

Он пролетал над кустами густыми,
Он щебетал: «Вспоминайте меня...»
...Крылышки были совсем золотыми
В радостном свете майского дня.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

БРОМ И МАГНИЙ ИЗ МОРСКОЙ ВОДЫ

Современной военной промышленности нужно много магния и брома. Магний, горящий ярким, ослепительным пламенем, — прекрасный материал для зажигательных бомб, осветительных ракет, трассирующих пуль и снарядов. Сплавы цветных и лёгких металлов с добавкой магния незаменимы в самолётостроении.

Бром, в малых дозах идущий на приготовление лекарств, теперь добавляют в бензин для авиационных и танковых моторов. На таком бензине моторы работают лучше и изнашиваются меньше.

О том, что в морской воде есть магний и бром, люди знали давно. Но никто не знал, как их извлечь оттуда. В последние годы химики нашли такой способ. Во многих странах на берегу моря возникли магниевобромные заводы. Сырьё, на котором работают эти заводы, — морская вода.

Для добыывания солей брома и магния нужна известь. И её не приходится привозить на завод издалека: она добывается тут же из морских ракушек.

Подсчитано, что один кубический километр морской воды содержит около 1,3 миллиона тонн магния. Вот какой огромный, неисчерпаемый резервуар горячего материала представляет собой морская вода!

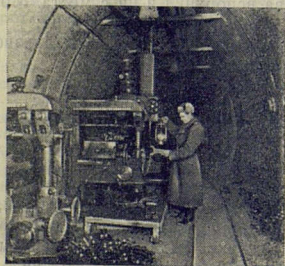
ЖЕЛЕЗНОЕ ДЕРЕВО

В Дальневосточном крае есть много ценных и редких растений. В Приморье, например, растёт берёза Шмидта. Она похожа на обыкновенную берёзу. Но у неё есть замечательное свойство, которое делает её одним из самых диковинных растений мира. Берёза Шмидта так твёрда, что может сравниться в твёрдости с железом. Самый острый топор тупится после двух-трёх ударов о её ствол.

Примечательно, что при такой твёрдости дерево лишь немногим тяжелее клёна и дуба.

ЗАВОД ПОД ЗЕМЛЁЙ

Это один из цехов немецкого авиамоторного завода «Мерседес-Бенц». Он выстроен под землёй, на глубине 35 метров. Немецкие бандиты втайне, скрываясь от людей и дневного света, готовили здесь оружие для убийства и разбоя! Рассказывают, что они даже уничтожили тех рабочих, которые строили завод, чтобы никто не мог выдать тайны подземного гиганта. Но всё же тайну сохранить не удалось. Занимая немецкие города, наши бойцы обнаружили много подземных заводов.

Завод «Мерседес-Бенц» помещается в бетонированных галереях длиной в 36 километров. По галереям проложена узкоколейка для электрокаров. Ток на этот завод, который помещался возле города Ландсберга, подавался из самого Берлина. Помещался завод в центре немецкого укрепленного района на подступах к Берлину. Со всех сторон его окружали огромные доты. Немцы думали, что их оборона несокрушима. Но войска 1-го Белорусского фронта сумели взломать мощные укрепления врага. Они наступали так стремительно, что гитлеровцы не успели вывезти с завода ни оборудования, ни готовой продукции.

ПРЕДСКАЗАНИЕ СБЫЛОСЬ

Семь лет назад советские учёные-вулканологи предсказали, что в 1945 году произойдёт извержение Ключевского вулкана.

Предсказание это, разумеется, было основано на большой, сложной работе, проделанной экспедицией вулканологов. И вот 1 января 1945 года в Москву пришла телеграмма от начальника Камчатской вулканологической станции: началось извержение вулкана.

Большая экспедиция вулканологов выехала из Москвы на Камчатку.

Ключевский вулкан — самый высокий на земном шаре. Он поднимается на 4916 метров над уровнем моря.

ДВА КУСКА САХАРА

Вы разведчик на фронте. Лежа рядом с товарищем в кустах на лесной опушке тёмной октябрьской ночью, вы вглядываетесь в деревню, занятую противником. Тёмно, хоть глаз выколи.

Вы напрягаете всю силу вашего зрения, товарищ — тоже, и всё-таки никак не можете различить, что такое висит там, у деревенской околицы: небольшая баня или танк, накрытый брезентом? Как быть? От ваших глаз, от вашей зоркости зависит результат разведки, а значит, и исход операции...

Но вот ваш товарищ вынимает что-то из кармана и кладёт в рот.

Проходит несколько минут, и вдруг он говорит вам: «Теперь дело другое. Вижу ясно: два танка, а левее, под деревом, самоходное орудие...»

Вы удивлены. Тогда он вручает и вам два каких-то твёрдых кусочка.

Что это? У вас во рту крошится и тает сахар. Через несколько секунд и с вами совершается «чудо»: ваше зрение внезапно обостряется, вы начинаете видеть там, где минуту назад всё сливалось во мраке... Дорога, избы, танки... Да, танки, два танка! Что за чепуха?

Нет, это совсем не чепуха. Известный военно-морской врач профессор К. Кекчев утверждает, что, действуя на вкусовые органы человека, можно обострить его «ночное» зрение. Для этого достаточно разгрызть один-два куска сахара или несколько крупинок лимонной кислоты. Причём эта повышенная чувствительность глаз не проходит тотчас же, а сохраняется в течение нескольких десятков минут.

Таким же образом сахар действует и на слух — человек начинает слышать в полтора-два раза лучше. Это состояние «сверхслуха» продолжается около двух часов.

ИСТОЧНИК, ИЗ КОТОРОГО ПИЛИ ВЕЛИКАНЫ

До сих пор в Барде можно услышать сказания о нартах — богатырях, великанах. Народные певцы рассказывают об их необычайных подвигах. Готовясь к этим подвигам, нарты пили воду из священного источника с холодной, как лёд, но кипящей водой. Назывался он нарт-санна, что по-русски означает «богатырский источник».

Прошли века, но и донные источники, из которого пили великаны, носит своё прежнее название, оно только немножко изменилось в русском произношении: вместо нарт-санна теперь говорят «нарзан».

Вот как произошло название знаменитой кисловодской воды.

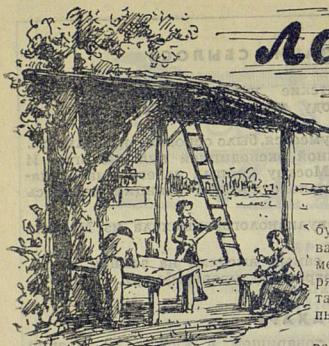
ЗАЧЕМ РЫБЕ ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Если держать только что вылупившихся рыб в глубине аквариума, прогнав им доступ к поверхности воды марлевой перегородкой, то они не смогут хорошо плавать. Они будут лежать на дне аквариума, производя беспомощные движения плавниками. Чтобы преодолеть тяжесть тела, увеличивающую их вглубь, рыбы должны наполнить плавательный пузырь воздухом, а это они могут сделать, высунув рот из воды. Мальки карпа, например, начинают заглатывать воздух через сутки после того, как они вылупились из икры. При движении на больших глубинах, где не требуется особая пловучесть, рыбы «выбрасывают» воздух из плавательного пузыря. Поднимаясь вверх, этот воздух образует пузырьки на воде. По этим пузырькам рыбаки узнают о движении косяков рыбы на больших глубинах.

Лагерная Мастерская

Собираясь в лагерь, подумайте о том, что вы возьмёте с собой и какие необходимые вещи можно будет сделать на месте, в лагере.

Можно с уверенностью сказать: куда бы вы ни попали, дерева у вас всегда будет вдоволь. А дерево — это замечательный материал. Из него своими руками можно сделать тысячи полезных вещей, необходимых и в лагере, и дома, и на войне, и в походе. Нужно только не бояться труда, смело приниматься за работу и иметь голову на плечах: без головы никакое дело не вылетит.

Но рук и головы мало: чтобы сделать вещи, нужны ещё инструменты. Вот о них-то и подумайте и уже теперь приготовьте их, чтобы в лагере не оказаться безоружными.

Первый инструмент, без которого вы никак не обойдётесь, — это нож. Хороший перочинный нож. Но не отчаивайтесь, если не удастся достать его. Прекрасный инструмент получается и из сломанного кухонного или столового чьжа, нужно только привести его в порядок: выточить и сделать для него удобную рукоятку.

Для точки достаньте брусок. Стоит он недорого, а службу послужит великую. Работать тупым инструментом тяжело и скучно, работать острым — одно удовольствие. Когда будете точить нож, иначе оно будет загибаться и крошиться и нож быстро затупится. Пока точите нож, всё время поливайте брусок водой. Вода, смачивая оттачиваемую поверхность,

будет охлаждать остриё и смывать с бруска частицы сточенного металла. Значит, и сталь не потеряет своей твёрдости и брусок не так скоро забьётся металлической пылью.

Рукоятку можно сделать по-разному, в зависимости от того какой нож попадёт вам в руки. Внизу на рисунке показаны рукоятки для разных ножей.

Следующим необходимым инструментом в вашей мастерской должен быть топор. Достать его труднее, чем нож. Но поищите его рохляком: непременно у кого-нибудь из вас в старом хламе валяется ржавый, тупой топор без рукоятки. Его тоже можно привести в порядок.

Выточить топор на маленьком бруске трудно. Лучше найдите точильщика и для первого раза поручите эту работу ему.

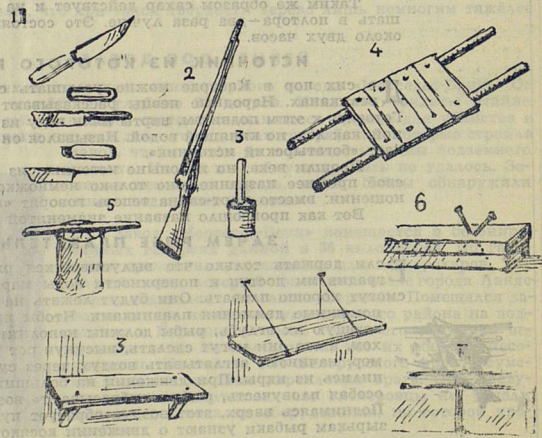
Когда будете работать топором, посмотривайте, хорошо ли насажен топор на топорнице. Для этого

верхняя часть топорница надкалывается, а когда топор насажен, в щель забивают дубовый или железный клинышек. Если он разболтается и выскочит, топор может сорваться и наделать бед.

Очень важный инструмент для вашей мастерской — пила. Лучше всего, если вы сумеете достать настоящую плотничью лучковую пилу. Но в крайнем случае можно обойтись любой. Только старайтесь достать пилу с крупным зубом. Мелкий зуб нужен для тонкой, столярной работы, а вам в лагере такой работой заниматься не придётся.

Вот с этими тремя инструментами можно сделать почти всё оборудование лагеря. Но ещё лучше, если вы сумеете достать рубанок, долото, буров, стамески и рашпиль.

Рубанком можно начисто выстругать доску, пригнать края двух досок, обстругать палку или древо для знамени. Долотом вы-

Сирают пазы в куске дерева, буровым сверлят дыры, стамеской на чисто пригоняют куски дерева при столярных работах, а рашпилем, как напильником, стачивают лишнее дерево с торцов и с закруглённых поверхностей. Можно обойтись и без этих инструментов, но с ними работа будет получаться чище. Хорошо ещё достать клещи: ими можно выдергивать гвозди, закручивать проволоку и скусывать шляпки гвоздей, когда это нужно.

Когда приедете в лагерь, прежде всего выберите место для мастерской. Там должно быть сухо, чисто и просторно. Лучше всего сделать небольшой навес где-нибудь между деревьями, а землю под навесом утрамбовать. Для инструментов можно приспособить любой ящик или сделать полки. Инструменты кладите всегда на одни и те же места, иначе вечно будете терять их и на поиски потратите больше времени, чем на работу.

Под тем же навесом отведите место для материалов, которые придётся взять с собой. Много материалов брать не стоит, но гвоздей забирайте побольше, проволоки — тоже; если найдёте железо или жёст, возьмите, пригодится; достанете масляной краски — очень хорошо. Неплохо захватить

с собой и доски. В лесу дерева много, а доску не достанешь.

Ну, а теперь, когда мастерская готова, посмотрим, что можно сделать с нашим инструментом.

Ножом можно вырезать удочку, древо для знамени, лапу, винтовку, из круглых палочек ножом нетрудно сделать шахматы.

Топором и пилой можно сделать забор, стол, скамейку, полку, качели, ящик, мостик для купанья, лестницу, лопату, носилки, трамбовку, жолоб для стока воды, верстак и ещё множество разных вещей.

Запомните только вот что: гвозди, чтобы хорошо держали, надо забивать так (смотри рисунок 6), а проволоку вязать так (смотри рисунок 7).

Можно сделать и забор: вбить в землю колья, прибить к ним поперечную перекладину, а к перекладинам — тонкие палки. Если нет гвоздей, можно все части забора связать проволокой. А можно сделать и по-другому: вбить в землю колья почаще и переплести тонкими сырыми прутьями.

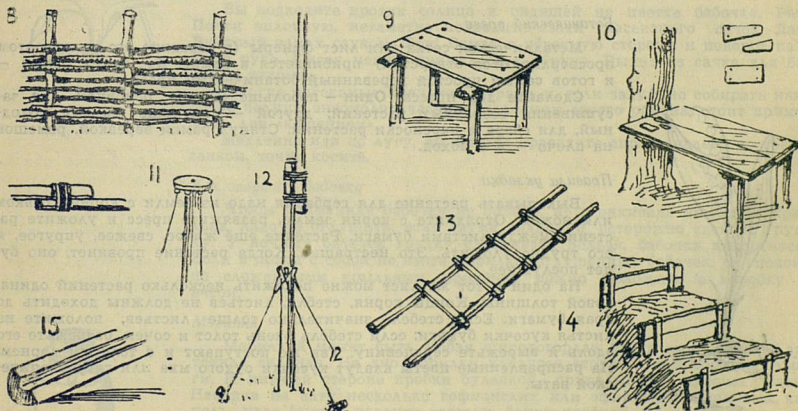
Вот так можно сделать стол (рисунок 9). Когда прибьёте все доски, прочертите прямые линии и по ним отпилите края досок. Тогда края стола будут ровными.

Для верстака выберите доски потолще. Для зажима куска дерева можно сделать приспособление, изображённое на рисунке 10. Как оно работает, понять нетрудно. Только крайние дощечки возьмите не тоньше 2,5 сантиметра, прибейте их покрепче к верстаку, а среднюю дощечку — клин — забейте посылнее.

Высокую мачту можно сделать из двух частей. Связать мачту придётся на земле, а потом поднимать целиком. Чтобы мачта хорошо держалась, её нужно укрепить вантами. Чтобы ванты не съезжали, набейте на мачту кусочки дерева — чиксы. Нижние концы вантов привяжите к кольщикам, а кольщики забейте в землю поглубже. На верхушку мачты набейте толстую круглую дощечку с кольцами для подъёма флага.

Лестницу можно сбить гвоздями, загнув их концы с другой стороны. Можно связать лестницу проволокой, а ещё лучше сделать и то и другое. Если в лагере есть крутые спуски, сделайте земляную лестницу. Чтобы ступеньки не разваливались, их нужно укрепить так, как показано на рисунке 14.

Жолоб для стока воды сбивают из досок, но можно сделать и из цельного бревна, расколотого пополам, выбрав середину его топором (рисунок 15).

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

Н. Надеждина

Возвращаясь из путешествия, привозить домой то, что нашёл в пути, — цветок, камень, раковину — такое обычай путешественников с самых древних времён. Держитесь и вы этого хорошего обычая. Пусть каждый из вас — участник летних походов — осенью принесёт в школу подарок: кто — гербарий, кто — коллекцию насекомых, кто — образцы минералов, кто — найденные при раскопке речного берега кости доисторического животного.

Вот и положено начало школьному краеведческому музею. Собранные в нём коллекции могут служить наглядными пособиями на уроках ботаники, зоологии, знакомить ребят с природой их родного края.

КАК СОБИРАТЬ ГЕРБАРИИ

Выбор темы

Можно собирать систематический гербарий по семействам (губоцветные, розоцветные, сложноцветные и т. д.); гербарий по морфологии растений (различные формы листьев, соцветий). Можно собирать гербарий и на другие темы: гербарий леса, луга, болота, гербарий сорняков, лекарственных растений, весенних цветов вашего края и т. д.

Заранее посоветуйтесь с учителем, выберите наиболее интересную для вас тему. Когда знаешь, что ищешь, тогда и поиски интереснее и находок больше.

Путешествуя по лугам и лесам, наблюдайте свойства растений. Может вам встретиться растение, имеющее ценные прядильные свойства, — с особенно крепкими и длинными волокнами стебля; или растение, богатое эфирными маслами, — с особым сильным запахом цветов, листьев (если их растереть) или корня. Мы ещё не знаем всех растительных богатств нашей страны. И ваши находки могут пригодиться.

Запаситесь бумагой

Бумагу для гербария собирает всё звено. Кто принесёт пачку старых газет, кто — обложку от канцелярских дел, кто — лист из альбома для рисования, кто — оберточную бумагу. Газеты пойдут для засушивания растений, более плотная бумага — для наклеивания готового гербария.

Ботанический пресс

Металлическая сетка или лист фанеры (в середине его колесиком просверливаются отверстия) прибавляется к рамке. Две таких рамки — и готов самый простой деревянный ботанический пресс.

Сделайте два пресса. Один — побольше (50×40), основной, для засушивания собранных растений; другой — поменьше (40×30), походный, для сбора и переноски растений. Стянул рамки верёвкой, ремешком на плечо — и в поход.

Правила укладки

Выкапывать растение для гербария надо из земли с корнем совком или ножом. Отряхните с корня землю, развяжите пресс и уложите растение между листами бумаги. Растение ещё живое, свежее, упругое, и его трудно уложить. Это нестрашно. Когда растение провянет, оно будет послушнее.

На один и тот же лист можно положить несколько растений одинаковой толщины. Концы корня, стебля, листьев не должны доходить до края бумаги. Если стебель значительно толще листьев, положите на листья кусочки бумаги; если стебель очень толст и сочен, разрежьте его вдоль и вырежьте сердцевину. Так же поступают и с толстым корнем. На расправленные цветы кладут кусочки сухого мха или гигроскопической ваты.

Пресс завязан

Вернувшись из похода, переложите растения из походного пресса в основной. На сетку кладётся 4–5 листов газет, потом лист с растени-

ем, потом снова прокладка из 2—3 газетных листов, потом опять лист с растением и т. д. Напоследок сверху кладётся ещё 4—5 газетных листов и накладывается вторая рамка. Пресс туго стяните верёвкой (верёвка стягивает лучше ремня) и повесьте в вертикальном положении где-нибудь на солнце или у горячей печи. Чтобы засушенное растение сохранило свой естественный цвет, не ленитесь ежедневно, а первые два дня по два раза в день перекалывать растения, сменяя отсыревшие листы бумагой сухими.

Сырую бумагу высушите на солнце, и она снова может идти на перекладку.

Сушка в две минуты

Это сушка горячим утюгом. Так можно сушить многие растения с тонкими стеблями и корнями и сочными мягкими листьями или с плотными, кожистыми листьями — и они не потеряют окраски. А главное, быстро: расстелил на столе несколько газетных листов, положил на них растение, прикрыл двумя — тремя газетами, прогладил, как бельё, раза два горячим утюгом — и готово.

Папка для гербария

Если взять растение за конец стебля и ни один листок не провиснет вниз, — значит, растение высушено.

Высушенное растение прикрепляют к гербарному листу узенькими полосками бумаги, приклеивая концы полосок. Внизу пишется название растения и на обороте листа — где и кем оно собрано.

Гербарные листы складываются в папку, сделанную из картона или фанеры.

КАК СОБИРАТЬ КОЛЛЕКЦИЮ НАСЕКОМЫХ

Сачок

Из проволоки сгибается обруч. Концы обруча прибиваются на палку.

Длина мешка должна быть в $2\frac{1}{4}$ раза больше диаметра обруча. Дно мешка — закруглённой формы. Конические и четырёхугольные мешки не годятся. Вытаскивая забившееся в угол мешка насекомое, помнётся его и испортится. Мешок делается из марли или кисеи, верхняя полоска (шириной в 5 сантиметров) — из бязи. Мешок сачка для «кошения» — весь из бязи.

Длина палки — не больше 100—110 сантиметров.

Способы лова

Вы подходите против солнца к сидящей на цветке бабочке. Раз! Почти вплотную, незаметно подводите сзади насекомого сачок. Два! Быстрый взмах сачком. Три! Взмах в обратную сторону и поворот палки в руке. Кисея мешка прижалась к обручу. Выход из сачка для бабочки закрыт.

Многие насекомые прячутся в траве, и, если задумано собирать наиболее полную энтомологическую коллекцию своего района, стоит применить лов «кошением».

Медленно идя по лугу, вы быстро проводите справа налево по траве сачком, точно косите.

Как оглушить бабочку

Чтобы пойманная бабочка не билась, не стряхивала пыльцу с крыльев, надо её оглушить: взяв двумя пальцами, осторожно сдавить грудку. У ночных бабочек грудку сдавливать нельзя, бабочка испортится. Если в поход с собой не взята морилка, оглушённых бабочек, со спокойной сложенными крыльями, временно можно положить в коробку с ватой.

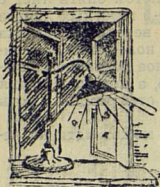
Морилка

Морилка может быть любая широкогорлая банка или большая аптечная склянка. На дно морилки кладутся стружки или обрезки бумаги. К нижней стороне пробки булавкой прикалывают кусочек ваты. Накапав на вату несколько гофманских или эфирно-валериановых капель, надо быстро наглухо закрыть банку пробкой. От паров эфира насекомые задыхаются.

Заморённых насекомых временно, до расправления, можно сложить в коробку, на слой ваты, на паку, на сено.

Влажная камера

Если насекомые сильно сохлись, перед тем как расправлять, их надо размочить. На тарелку с мокрым песком положите листок бумаги, а на него сухих насекомых. Сверху прикройте их банкой. Крупным насекомым нужно пролежать во влажной камере 2–3 дня, чтобы мёртвые ножки и крылья стали гибкими. Чтобы не появилась плесень, прибавьте в воду для смачивания песка борной кислоты (полчайной ложки на стакан).

Булавки

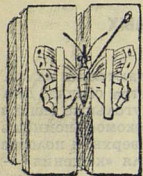
Булавки для накалывания насекомых можно сделать самим из очень тонкой, звонковой лакированной проволоки или из длинных тонких иголок, приделав к ним головки из сургуча или воска.

Расправилка

Расправилка для бабочек делается из двух гладко выструганных дощечек мягкого дерева — липы, осины. На дощечки ложатся крылья бабочки. В щель — желобок между дощечками — умещается брюшко бабочки. От размера бабочки зависит и размер расправилки. Ко дну желобка приклеивается торфяная пластинка, пробка или кусочек сосновой коры, чтобы втыкать булавку с наколотой бабочкой.

Расправилкой для мелких насекомых может быть спичечная коробка или пробка от широкогорлой банки, посередине которой прорезана щель по ширине брюшка насекомого.

Как расправить бабочку

Бабочка помещена на расправилку. Её спинка приходится вровень с верхним краем желобка. Брюшко, чтобы не провисло, поддерживается двумя скрещенными булавками или комочком ваты. Над основанием верхнего правого крыла прикалывается булавкой полоска плотной бумаги шириной в $\frac{1}{2}$ сантиметра.

В левую руку вы берёте конец бумажной полоски, в правую — булавку. Не прокалывая крыла, зацепите булавкой за первую толстую жилку у самого основания крыла. Медленно отводите крыло вверх, пока оно не примет правильного положения. Теперь булавкой подвигайте вперёд нижнее правое крыло до тех пор, пока его передний край не будет прикрыт задним краем верхнего крыла. Туго натянув полоску бумаги, приколите её булавкой сразу же за нижним крылом.

Крылья прижимают, прикалывая сверху широкие полоски бумаги. Так же расправляются левые крылья. Потом расправляют усики. На расправилке бабочка, прикрытая бумагой от пыли, сохнет 10–15 дней.

Садок для гусениц

Если хотите иметь у себя в коллекции особенно свежих и нарядных бабочек, выводите их из гусениц в садке у себя дома. Самый простой садок — банка, затянутая марлей.

Изготовление коллекции

Коллекцию можно хранить в неглубоком фанерном ящике или в большой коробке. Коробка должна быть без щелей, оклеенная изнутри бумагой, чтоб в коробку не забралась, не испортила коллекцию моль. На дно коробки столярным клеем приклеиваются нарезанные на кружочки толщиной в 1 сантиметр бумажные пробки или кусочки сосновой коры. В них вкалываются булавки с насекомыми. Булавка должна входить в тело бабочки совершенно отвесно. Над каждым насекомым — на булавке кусочек бумаги — этикетка: на ней написано название насекомого, где и кем оно поймано. Определить насекомых вам поможет учитель-биолог.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Переписка читателей «Пионера»: письма, сообщения, вопросы, советы

Я с нетерпением жду дня отъезда в пионерский лагерь. Летом можно заняться многими интересными делами. Я, например, хочу собрать большую коллекцию жуков и бабочек.

Напишите мне, ребята, чем вы будете заниматься этим летом.

Лёня Литвинов

Москва.

Мой товарищ Геня и я решили во время летних каникул проделать путешествие на лодке по рекам нашего родного края.

В наших местах водится много хищной рыбы. Мы будем ловить её на блесну и таким образом обеспечим себя питанием.

По намеченному маршруту лодку иногда надо будет переносить с одной речушки на другую. Поэтому нам необходима складная лодка. Мы с Геней уже давно интересуемся, как построить такую лодку. Много книг по этому вопросу пересмотрели мы в местной библиотеке. В одном из старых журналов я прочитал, что в Англии на Темзе английские девушки катаются на складных брезентовых лодках. Вот такая лодка и нам нужна! Около года я и Геня отказываем себе во многом и собираем деньги, чтоб купить брезент и бамбуковые удилыща для каркаса. У нас есть один знакомый, инвалид Отечественной войны, который всё умеет делать. Он обещал помочь нам соорудить лодку.

Володя Пировов

город Киров (областной).

Я живу на Волхонке. Это старинная московская улица. Недавно я узнал её историю.

При Иване Грозном на нашей улице стояли дворы опричников. Здесь жил и Малюта Скуратов.

В начале нашей улицы, там, где теперь строительство Дворца Советов, была когда-то церковь, и под этой церковью нашли каменную плиту с надписью, что тут похоронен Малюта Скуратов. Раньше наша улица называлась Чертольской, почему,— этого я ещё не узнал, а Волхонкой она стала называться позже, потому что тут когда-то жил князь Волконский.

Меня вообще очень интересует история городов и происхождение различных названий и выражений. Кто из вас, ребята, знает, откуда взялось выражение «долгий ящик»?

Роман Каладзе

Москва.

Наступили жаркие летние дни, распускаются цветы. В прошлом году летом в пионерском лагере я собирала большие букеты. Много цветов я засушила в книгах. А как можно засушить цветок, чтобы он сохранил свою форму и цвет? Я слышала, что цветы засушивают в песке. Но как это делается,— не знаю. Ответьте мне, пожалуйста, на этот вопрос через «Почтовый ящик».

Леонора Шестерикова

город Данилов,
Ярославская область.

Не может ли кто-нибудь из ребят рассказать, как поймать пушиного зверька в капкан, в петлю, ловушку? Какой способ считается самым лучшим?

Коля Сидоренко

Новосибирская область,
станция Чаны.

Дорогой Коля!

Возьми в библиотеке журнал «Пионер» № 1 за 1944 год и прочти статью Дм. Зуева «Охота без ружья».

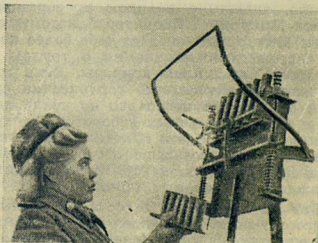
Редакция.

Дорогие ребята!

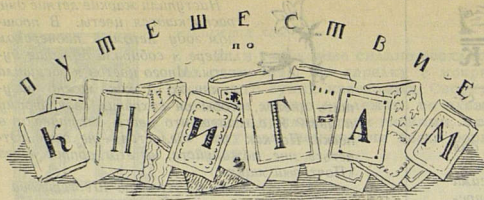
В «Почтовый ящик» пришло много писем с просьбой рассказать о салютах.

Как же происходят ракетные выстрелы? На каждой салютной точке три специальных устройства. Это небольшой станок, на котором закреплено шесть стволов. В него закладывается кассета с шестью ракетными патронами. Стволы плотно закрепляются специальной защёлкой. Стоит только нажать на рычаг, — как из всех шести стволов произойдёт выстрел. Вы, ребята, интересуетесь, почему ракеты во всех концах города взлетают в одно время? А вот почему. Из центрального управления подаётся по телефону команда «заряжай» — все заряжают, затем следует команда «внимание» — все приготавливаются, и, наконец, по команде «огонь» производятся выстрелы одновременно со всех точек.

Ответственный за салютную точку
старший лейтенант Печеник

Наступило лето — пора путешествий и дальних прогулок. Во все стороны влекут дороги: синие ленты рек, змеящиеся рельсы, заманчивые изгибы тропинок. И многие из моих учеников славно побродят этим летом по лесам и полям.

— Но не забывай, — хочется мне сказать каждому из них, — что ты можешь совершить во время каникул и другое, не менее увлекательное путешествие. Надо только правильно наметить маршрут.

Путешествовать тебе помогут твои друзья — книги. С их помощью ты сумеешь передвигаться не только в пространстве, но и во времени. Для того же, что твои летняя экскурсия была осмысленна и целесообразна, нужно придерживаться определённого маршрута, то есть попросту составить план чтения на лето.

Внимательно наблюдая окружающее, ты сможешь путешествовать, не отходя от дома. Французский учёный Фабр тридцать лет прожил на одном месте в Сфиньяне, ежедневно странствуя по новому, почти не исследованному до него миру. Открыть этот мир ему помогли ученики, такие же школьники, как ты. Они первые показали своему учителю пчелу-каменницу, и с неё Фабр начал своё изучение мира насекомых. Я очень советую тебе прочитать его книгу «Жизнь насекомых», так же, как и том Брота «О насекомых». Познакомившись с этими книгами, ты иными глазами посмотришь на малые, на первый взгляд, ничтожные существа, которые попадают нам на каждом шагу, и поймёшь, какие значительные и даже трагические события случаются под каждым листом и травинкой.

Человек изучает природу, чтобы творчески преобразовать её и бороться с ней. Ты, конечно, знаешь о великом преобразователе садов Мичурине? Прочитай одноименник «Работы Мичурина», он даст тебе более полные и систематические знания о трудах этого мудрого помощника природы. Если же ты хочешь убедиться, что героические сражения происходят не только на полях войны, но и в тихих научных лабораториях, прочти книгу Поля де Крюи «Охотники за микробами». В ней рассказывается о деятельности врачей и учёных, неутомимо борющихся с враждебными силами природы.

Ты бы побывал в гостях у учёных нашего столетия. Но в твоей власти совершить путешествие и в глубь веков. В пятом классе вы познакомились с историей древнего мира. На страницах книг нашего советского

писателя Милия Езерского ты повстречаешься с теми, кто делал римскую историю: с благородными братьями Тиберием и Каем Гракхами и их матерью, мудрой и непоколебимой духом Корнелией, с неповоротливым Марием и хитрым и жестоким Суллой. Прочти романы Езерского «Братья Гракхи», «Марий и Сулла», «Аристоники».

Безобразное лицо «Суллы» «Счастливого» встретится тебе и в книге «Спартак» итальянского писателя Джованьоли. Борец за независимость итальянского народа Гарибальди считал, что образ вождя римских гладиаторов Спартака изваян в романе словно резцом великого скульптора Микель-Анжелло. И точно: каждый, прочитавший эту книгу, на всю жизнь запомнит образы вождя римских рабов Спартака и великодушного патриция Катилины, вочью увидит арену цирка, на которой пленному Спартаку была дарована свобода.

Народы всех времён помнят о доблести своих героев. Человеческое мужество бессмертно. И теперь с глубоким волнением мы читаем старинную французскую «Песнь о Роланде», бесстрашном рыцаре, павшем жертвой чёрной измены в узком Ронсевальском ущелье. В дни, когда ничтожные правители Франции подло предали свой народ, эта старинная история зазвучала с новой трагической силой.

Путешественник по книгам не знает предел. Из Франции IX века ты без труда перенесёшься в Англию XII века, старую, добрую Англию. В лесах скрываются благородные разбойники, «Рыцарь, лишённый наследства», сражается на турнирах, а храбрый король Ричард Львиное сердце под видом «Ленивого рыцаря» странствует по своему государству, изучая врагов и проверяя друзей. Замечательнейшие приключения происходят с главным действующим лицом романа Вальтер Скотта «Айвенго», так же как и с героем другой его увлекательной книги, бесстрашным шотландцем Квентином Дорвардом. Роман «Квентин Дорвард» ознакомит тебя с французской придворной жизнью второй половины XV века, с расприями между хитрым и осторожным Людовиком XI и азартным, нетерпеливым герцогом Бургундским — Карлом Смелым. Вместе с Квентином ты проникнешь в грозный замок Людовика, в эту страшную, неприступную крепость средневековья, в крепость, которую, казалось бы, нельзя было разрушить.

И всё же эта крепость пала. Чёрные зубчатые стены, отделявшие человека от мира, рассыпались в прах. Подул свежий ветер новой эпохи — Возрождения. Человеческий разум освобождался. Прочитай остроумнейшую книгу великого французского писателя Франсуа Рабле, жившего примерно в ту же эпоху, что описана в «Квентине Дорварде». По странствуешь вместе с его героем, умным великаном Пантагрюэлем, хвастливым Панургом и его товарищами от одного фантастического острова к другому, и ты увидишь, как нарождается и другая, молодая, Фран-

ция, не признающая никакой силы, кроме насмешливой и светлой силы человеческого разума. Роман Раблэ — беспощадная сатира на отживающее средневековье и вместе с тем одна из самых жизнерадостных книг на земле. От неё так же трудно оторваться, как от приключенческих романов Александра Дюма: «Три мушкетёра» и «Двадцать лет спустя». Мне думается, эти книги ты тоже прочтёшь с удовольствием.

Если тебе захочется ещё подышать воздухом Возрождения, где вольный ветер мешается с дымом догорающих костров инквизиции, советуя прочитать превосходную книгу Шарля де-Костера «Тиль Уленшпигель». Из книг наших советских писателей З. Шниовой — «Джек Соломинка» — и А. Алтаева — «Под знаменем башмака» — ты узнаешь о восстаниях английских и немецких бедняков, пытавшихся завоевать право на человеческую жизнь. Так ты завершишь своё странствие в глубь веков и далёких стран.

Я сознательно говорила до сих пор только о западной истории, так как ты с ней хуже знаком, чем с русской. Нашу русскую историю, нашу родную литературу ты должен изучать всегда. Читай книги о гениальных русских полководцах, не уступающих великим героям древности. Прочти книгу Сергея Григорьева «Александр Суворов». Ты увидишь, сколько человеческого обаяния и простоты было в этом замечательном русском воине. Я знаю, ты довольно хорошо знаком с русскими классиками. На этом всё же никак не следует успокаиваться. Наших классиков надо читать и перечитывать всю

жизнь. Сколько бы раз ни раскрывал ты книги Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Тургенева, Аксакова, каждый раз ты найдёшь в них новое, удивительное, не замеченное тобой до сих пор. Об руку с Тургеневым и Аксаковым ты совершишь чудесное путешествие по лесам средней России, по степям и побережьям Башкирии. Неплохо было бы тебе также попутствовать по Уссурийскому краю вместе с путешественником Арсеньевым и его проводником големом Дерсу. «Дерсу Узала» — не только интересная книга о дальневосточной природе: это чудесный рассказ о простой и доброй человеческой душе. Образ голды Дерсу показан с удивительной теплотой и серьёзностью. Под конец же я советую тебе побывать в Синегории...

— Это что же за страна такая? — спрашивает у меня ученик.

— Это выдуманная страна. Её выдумал писатель Лев Кассиль. В ней живут славные мастера Амальгама, Изобар и Джон Садовая голова. Сказочные эти герои одновременно учатся в ремесленном училище и героически борются с немцами. Об их приключениях, в которых жизнь перемешана с таинственной и увлекательной игрой, написана последняя книга Кассиля «Дорогие мои мальчишки». На обложке книги значок: «Отвага. Верность. Труд. Победа», герб командосов — славных жителей Синегории... Посещением Синегории я предлагаю тебе закончить твой летний маршрут.

Л. Д. Кравченко,
преподавательница литературы,
160-я школа Москвы.

Сегодня в лагере костёр

Итак, ребята, вы прочитали на 14 — 17 страницах об интересном и весёлом лагерном костре. Вы решили так же хорошо провести вечер у костра в вашем лагере. Что же для этого нужно?

Только одно — хорошо подготовиться, проявить выдумку, изобретательность, фантазию.

Лучше всего, если вы начнёте готовиться к костру ещё до выезда в лагерь. Подберёте стихи, шарады, загадки, песни, песни, песни. (Много интересного можно найти в журнале «Вожатый», номера 5—6, 8—9, 11—12 за 1944 год.) Припасёте цветные карандаши, бумагу, нитки, клочкутки, шпатель, проволочку и т. д. Всё это понадобится и для оформления поляны, и для костюмов зр-

тистов, и для карнавальных палочек.

Перед костром штаб лагеря тщательно наметит программу, предусмотрит каждую мелочь, даст задания всем звеньям, выделит ответственных за каждое дело.

Вот несколько советов, которые пригодятся вам.

Место для костра нужно очистить от сухих веток и листьев. Звезда в дёрне вырубается топо-

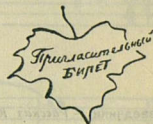
ром или лопатой, а куски дёрна укладываются травой вниз по краям.

Чтобы костёр зажёгся

быстро, нужно заранее приготовить растопку. Очень хороши для этого «индийские палочки». Возьмите тоненькое, сухое поленьце и настругайте его, не снимая совсем стружку. Складывая костёр, положите вниз бересту и сухие веточки и уже поверх этого конусом устанавливайте валежник и поленья. Помните, что осина и пихта плохо горят и дают много дыма, а от сосны летит слишком много искр. Лучше всего заготовить валежник дуба, можжевельника, берёзы.

Хорошо, если вы найдёте полянку, окружённую холмами. Пioneрам удобно будет расстелся, а костёр будет защищён от ветра.

Пригласительные билеты можно вырезать в форме кленовых листьев, раскрасить их в разные

цвета и по яркому фону написать приглашение.

В программу концерта включайте поменьше сольных номеров. На открытом воздухе, да ещё перед большим количеством людей трудно справиться с сольным номером, гораздо лучше пройдут коллективные выступления.

Уходя с поляны, не забудьте тщательно затушить огонь. Иначе вы можете оказаться виновниками лесного пожара. Куски дёрна, сложенного по краям костра, уложите на место, чтобы полянка приняла свой прежний вид.

Текст Н. Шестакова

Музыка Д. Кабалевского

Andantino

p(mf) *(mp)*

1. Не-бо гас-нет до-го-ра-я, скры-лось солн-це вдале-
ке, хо-дит ры-ба зо-ло-та-я в за-ти-ха-ю-щей ре-
p(tr)
ке. Вьёт-ся лёг-кий дым над ко-стром се-дым. Хор
шо нам здесь в ти-ши-не ло-ша-дей пас-ти, раз-го-
вор ве-сти и петь о род-ной стра-не. 1.2.
3.
не, и петь о род-ной стра-не.

1. Небо гаснет, догорая,
Скрылось солнце вдалеке,
Ходит рыба золотая
В затаившей реке

Вьётся лёгкий дым
Над костром седым.
Хорошо нам здесь в тишине
Лошадей пасти,
Разговор вести
И петь о родной стране.

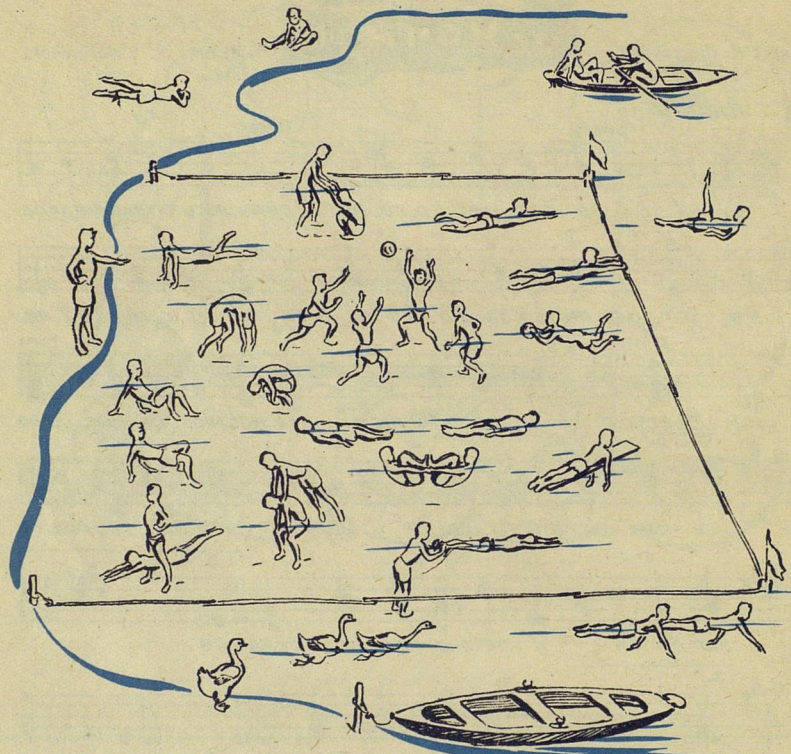
2. Слышен топот жеребёнка,
Шорох птиц в тени ветвей.
На берёзе щёлкнул звонок
Наш знакомый соловей.

Вьётся лёгкий дым
Над костром седым.
Хорошо нам здесь в тишине
Лошадей пасти,
Разговор вести
И петь о родной стране.

3. На луга, на нивы эти
Смотрит Сталин из Кремля.
Нет милей земли на свете,
Чем Советская земля.

Вьётся лёгкий дым
Над костром седым.
Хорошо нам здесь в тишине
Лошадей пасти,
Разговор вести
И петь о родной стране.

Хорошо плавающие ребята исследовали дно речки, протекающей неподалёку от лагеря, выбрали неудобное место с ровным, пологим дном, огородили его жердями — и водная станция готова! Тут не страшно и тем, кто совсем не умеет плавать.

Посмотрите, что делают эти ребята! Сумеете ли вы проделать то же самое?

Вот наверху, на мелком месте, возле берега, парнишка учится плавать: уперся руками в дно реки и работает ногами, — а позади него два друга учатся дышать в воде и не бояться воды (без этого никогда не будешь хорошо плавать!). Справа, на более глубоком месте, ребята, умеющие плавать, один, держась за ограду, другой с мячом в руках работают одними ногами, не индийский прыгун, а третий парнишка, на доске, работает одними руками.

Вспомните закон Архимеда и не бойтесь воды. Удельный вес человеческого тела легче воды, и она обязательно вытолкнет вас. Вы всплывёте на поверхность, как всплывает капля жира. Это вы сами можете проверить, проделав те упражнения, над которыми трудятся двое из ребят (воле играющих в мяч, ближе к берегу). Один из них изображает морскую «медузу», другой — «поплавков». Вдохните глубоко и опуститесь на дно на четвереньках. Тогда обязательно вытолкнет вас на поверхность.

Если вы опуститесь на дно, обняв руками колени, вы «поплавком» всплывёте на поверхность. Другие ребята занялись играми. Перебрасываются

мячом. Кто упустил мяч, опускается на колени в воду. А вот двое ребят «бегут» наперергонки к берегу. Вернее, пытаются назад — как говорят, бегут «вразом».

Играют в чехарду на воде труднее, чем на суше. Посмотри, как играют эти ребята. Сначала надо перепрыгнуть через товарища, а потом вырваться между ног другого.

Вот внизу один из ребят лёг на воду, вытянувшись, как стрела, и опустив лицо в воду, а другой толкает его. Потом они поменяются местами. Кто из них дальше проплывёт?

А над ними вы видите живую «торпеду», готовую к выстрелу. Сильный толчок ногами — и ребята с большой быстротой скользят по воде. Выше — «торпеда» в действии.

Тем, кто плохо плавает, выход за ограду воспрещён. А вот хорошие пловцы вышли на простор реки и плывут «гуськом». Первый захватил ногами гусовине другого. Оба в такт гребут руками, а задний успешно работает ногами.

Вдали, за оградой, пловец лёг на спинку. Он ладонями гонит воду под себя, приподнимает из воды согнутую ногу и выирывает её вверх, как мячу. Хорошие пловцы могут поднять сразу обе ноги.

Много интересных игр и полезных упражнений можно провести на воде. Обязательно устройте у себя водную станцию, и тогда все ребята подружатся с водой и научатся хорошо плавать.